

ВАДИМ НОВОСАДОВ

Маска Гермеса

Вадим Новосадов

Маска Гермеса

«Издательские решения»

Новосадов В.

Маска Гермеса / В. Новосадов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839177-4

Гермес — аллегория воплощённого духа злодейского коварства и спасительного плутовства, который может принять обличье каждого из участников событий.

ISBN 978-5-44-839177-4

© Новосадов В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	42
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Маска Гермеса

Вадим Новосадов

«Доблесть жаждет опасностей»¹
(Латинский афоризм)

© Вадим Новосадов, 2017

ISBN 978-5-4483-9177-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Истина важна всегда

Грузный и пожилой надзиратель Панов, ещё подвижный, с бульдожьим лицом из-за брыл и отвислых складок, редко мог впиться покрасневшим взглядом в узника, так как обычно, человеческую массу пересчитывал по парам ног, не подымая глаз, чем, кроме боязни, внушал и безысходный трагизм.

И было отчего. Весь лагерь знал его историю как притчу.

Его мясистые руки, которыми он методично перебирал пожитки в камере, вызывали жутковатые ассоциации.

Лет тридцать тому назад он исполнял смертные приговоры. Но судьба сыграла с ним злую шутку.

Накануне распада советской империи, его младшая сестра, достигнув совершеннолетия, будто сорвалась с цепи. Её сексуальная притягательность и половозрелая отвязность объединили вокруг неё шайку, которая стала орудовать разбоями.

Молодые отморозки, однако, не тратились на продуманность акций против инкассаторов и кассиров. Очередное нападение закончилось двойным убийством – невысказанная дерзость для советского режима. Банду изловили, а скорый суд вынес приговор – высшая мера, то есть расстрел. Система отправила осуждённых туда, где и служил её брат, откомандировав тайно другого штатного палача.

Однажды, девятнадцатилетняя сестра подстерегла его, когда он пересекал тюремный двор, и выкрикнула из окна, вцепившись руками в решётку: «брат, когда ты меня застрелишь?». Чёрт его дёрнул поднять голову на этот душераздирающий вопль. С той секунды он редко поднимал взгляд, смотрел только под ноги.

Трагедия превратила одряхлевшего палача в беспристрастную служебную машину: он не позволял поблажек, правда, сказать, без деспотизма.

Из-под одного из матрацев, во время очередного ночного обыска, он достал толстую тетрадь, – предмет, не запрещённый правилами. Перелистывая исписанные страницы, Панов всё вдумчивее всматривался в них, а затем покрутил тетрадь, и – не вернул.

Права на дневник заявил узник с неславянской фамилией Визант, хотя и с вполне славянской внешностью.

Молодой, немногим выше среднего роста, спортивного сложения, с крупными серыми глазами, вдумчивыми, но способными вспыхнуть лукавством и угрозой, с овальным лицом, острым носом и выделяющимся волевым подбородком. Короткая стрижка открывала высокий лоб, а густой бобрик указывал на непослушную каштановую шевелюру, снятую из-за тюремного устава.

– Я это заберу, – сильным голосом и с одышкой пробормотал надзиратель, так и не подняв взгляда на одного из столпившихся обитателей переполненной камеры. – Пусть начальство проверит.

«Чем чёрт не шутит», думал некто Визант, когда встревоженные ночным досмотром сокамерники, укладывались на нары. «Пусть знают, что это не сиюминутные мысли о сломанной жизни, а холодный анализ причин, бросивших его сюда».

Впрочем, вряд ли бездушные тюремщики взяли на себя труд копаться в его записях. Им не было дела до хитросплетений его судьбы. Но они могли донести о его размышлениях кому следует.

Отбывал он срок в колонии общего режима, в Новосибирской области, для бывших служителей закона, которая, к счастью, отличалась относительной мягкостью нравов и щадящим

трудовым режимом. Хватало сил и на размышление, и на дерзость к игре, как с невидимыми противниками, так и с союзниками на воле.

Двадцатипятилетнего Александра Византа, лейтенанта ФСБ (федеральной службы безопасности), признали виновным в халатности на закрытом суде, лишив, на пять лет свободы. Сомнительно, чтобы его упекли из-за спасения чести ведомства, которая, требовала бы более показательной и масштабной чистки. Он надеялся на досрочное освобождение, уповая на изменчивость обстоятельств по его делу, которое было лишь эпизодом постоянной террористической войны.

Следующим вечером, перед ужином, его вызвали к начальнику колонии. В скромно меблированной комнате, идеально чистой, его ждали сухопарый начальник и сумрачный надзиратель Панов.

– Что это? – сухо бросил начальник, побивая пальцем о тетрадь. – Здесь, не исповедальные мысли. Впредь, никаких досье. Или забудьте о досрочном освобождении, – после паузы он добавил: – вы ещё ни разу не посещали церковный приход. К этому стремятся все осуждённые, которые хотят доказать, что они на пути исправления.

Глава колонии славился тем, что с ревностью пёкся о религиозности подопечных.

Александр не спешил с ответом. Лицо его оставалось неподвижным, только взгляд возмущённо вспыхнул. Ещё бы год назад он сразу же возразил, что он атеист, однако, сейчас, его покорности хватало только на то, чтобы оставаться невозмутимым. Лицемерие и потакание начальству всё ещё не давались ему. Так бы он и покинул их, не проронив и слова, но взгляд начальника требовал ответа.

– Я не граф Монтекристо. Меня волнует истина. Именно она успокаивает душу, а не месть. Что же касается веры религиозной, то я не имею по этому поводу иллюзий.

– Как это понимать? – глава колонии сдвинул брови.

– Бог ведь не начальство, которое любит подхалимов. Ему, может быть и всё равно, верю я в него, или нет, но если он меня создал, то именно для этого дела. Если же я потеряю верные ориентиры, то готов принять его суд. Человек же легко превращается в зверя, когда уповает на силы извне. Не сотвори себе кумира.

Свою размеренную отповедь Визант произнёс не шелохнувшись, стоя почти на вытяжку, только его ясный и оживлённый взгляд скользил по слушателям и предметам, а уголки губ чуть приподнялись в хитрой улыбке. Панов угрюмо смотрел перед собой, а начальник выдавил злорадную гримасу, уязвлённый независимым суждением узника.

– Можете идти, – холодно произнёс он.

Визант спешил в столовую в приподнятом настроении, нисколько не жалея о дерзости, которая здесь наказуема. Да и осталось ему чуть более двух лет из пяти, не столь уж и великая цена за чувство собственного достоинства. А сегодня, даже обычный тюремный ужин, из баланды, полбуханки хлеба и кружки киселя, казался роскошной трапезой.

Ещё большее ликование вызывало то, что за ним следили неусыпным оком. А кто они, – те, кто опасался его как свидетеля, или же те, кто видел в нём наживку в неизвестной ему игре, пока, не имело для него значения. Лёд тронулся. Предупреждение же лагерного начальства лишь побуждало к действиям.

Глава 2

Виртуозная неразбериха сыска

Директор Федеральной Службы Безопасности, Григорий Буранов вызвал на экстренное совещание всех руководящих лиц ведомства, отвечавших за антитеррористические мероприятия. Его внешний вид, – прямая осанка, сомкнутые губы, крупные осмысленные глаза, которыми он поглощал собеседника со всеми его потрохами, имели гипнотическое действие. Говорил он ровным приглушённым голосом, что у одних вызывало впечатление хладнокровного человека, у других, скорее недоброжелателей, повод упрекнуть его в чванстве.

Причиной встречи послужила секретная депеша о захвате спецназом на Кавказе личного связного новоявленного лидера террористов, неуловимого как призрак, по прозвищу «геенна», которым он ознаменовывал свои кровавые деяния.

В пику, службисты припаяли этому полевому командиру созвучную кличку, то есть «гиена», в честь омерзительного хищника.

Итак, обращение «гиены» к некоему неизвестному сподвижнику, раскрывало их замысел очередной террористической атаки.

Директор огласил даже текст послания: «Наши люди разлагаются от бездействия. Хотя врагам Аллаха пора преподать следующий урок и нанести удар в сердце. В ближайшую неделю, как будете готовы. Связь та же».

Ситуация требовала внимания ко всем деталям, и потому Буранов подробно описал поимку связного. Он и его сопровождающий нарвались на разведчиков спецназа, у спутника не выдержали нервы и его уложили одним выстрелом. Узнав, кто в их руках, бойцы не могли упустить шанса поиграть с главарём душегубом, затаившимся настолько, что не выходящим даже в эфир, хотя и исхитрившимся сеять смерть из своего логова.

Погибший напарник связного сошёл бы за случайную жертву снайпера одиночки. В штабе вскрыли письмо, скопировали, поставили новую сургучную печать, неотличимую от подлинной и отпустили связного. Оперативники рассчитывали, что связной не сбежит сразу, и не признается своим, что побывал в плену, иначе его ждали зверские пытки и смерть. Погибла бы и его семья, которая находилась в заложниках, пока он выполнял задание. Главный же кавказский террорист на время затаился бы, усложнив задачу своей ликвидации.

Несмотря на перехват, сведений, как кот наплакал. Приходилось искать иголку в стоге сена. В огромном мегаполисе можно было спрятать любое количество взрывчатки и оружия. Разумеется, кротов следовало бы искать среди выходцев с Кавказа, занесённых в особый банк данных, но для поголовной и быстрой проверки, а речь шла о считанных днях, не хватило бы сил. Поиск усложнялся и тем, что организаторы могли держать наготове несколько автономных групп боевиков, провал одной инициировал бы немедленное действие другой. И всё же, террористы не обходились без инфраструктуры. За нить можно было бы ухватиться, перебирая фирмы однодневки.

Объявив о работе НАКа (национального антитеррористического комитета) в чрезвычайном режиме, основную часть оперативных мероприятий директор возложил на генерал-майора Николая Спирина, руководителя УФСБ по Москве и области. Мужчина лет пятидесяти, поджарый, с угловатыми чертами лица, с проседью у висков, всегда одетый с иголки, принимал вызов, поблескивая карими глазами.

Уже в самое ближайшее время Буранову пришлось бы держать ответ в Кремле перед главой государства и озаботить остальных членов НАКа. Те представляли скорее армию егерей, тонких игр не вели и могли бы распугать изобретательных хищников, хотя и без них зверя в ловушку не загонишь.

– С этой минуты работаем круглосуточно, – тихо произнёс директор в безмолвие консервативно меблированного кабинета, приберегая силы для экстренного заседания в Кремле.

Не прошло и четырёх часов, как Спирин снова появился в кабинете у начальника с первыми оперативными выводами, где выискивать крысиные гнёзда. Спирин, по возможности, пытался избегать встречи с директором с глазу на глаз, и потому взял с собой двух подопечных.

Несмотря на внешнее спокойствие, глаза директора возбуждённо горели. Выслушав краткий доклад, он не спешил сделать заключение, ограничиваясь пока уточняющими вопросами.

– Не связан ли их акт с каким-нибудь политическим событием? – нарушил паузу Спирин.

– Террор и есть их политика, – холодно заметил глава спецслужбы. – Впрочем, всё возможно.

– Я позволю себе одно соображение, – осторожно высказывал Спирин то, что у всех крутилось в голове, но в устах начальника показалось бы профанацией. – Здесь, в Москве, диаспора чтит свою репутацию, а наша служба взяла их под своё неусыпное око. Возможно, террористы решили походя отомстить лояльным власти землякам.

– И кто мог бы состоять в их чёрном списке? – сдержанно поинтересовался Буранов.

– У меня на подозрении только один. Фигура известная. Амалиев. Один из самых богатых кавказцев в стране, а может и самый богатый. У него сеть магазинов в столице, а вскоре откроется крупнейший торговый центр.

На непроницаемом лице директора промелькнула ухмылка. Высказанная версия была слишком очевидна, но была ещё одна, о которой уже сам Спирин предпочёл бы умолчать.

– Ты не упомянул ещё одну фигуру. Кадырова, – как бы поправлял его начальник, указывая на главу Чечни.

Террористическая атака в столице, нити которой бы тянулись в Чечню, подрывала авторитет её руководителя в глазах высшей власти.

– Весь бизнес у Кадырова дома. Там же он и разбирается со своими врагами. Поэтому террористы нападут на объекты Амалиева, его конкурента, в Москве, которые не защищены. Одним ударом они скомпрометируют обоих чеченских лоялистов. Так, по крайней мере, они могут рассуждать, – осторожно высказывался Спирин.

– Ну что же, будем в первую очередь разрабатывать эту версию, – сухо заявил глава службы безопасности.

Предыдущей неудачей была пропитана вся атмосфера в последнее время. Буранов не доверял Спирину, впрочем, недоверие, вкралось, видимо и к самому директору, но уже со стороны президента.

Один из близких знакомых директора ФСБ, с кем бок о бок он прослужил долгие годы, Владимир Моторин также был задействован в розыске затаившихся террористов. Странно, но, получая информацию и отдавая распоряжения в эти напряжённые часы, в его памяти перебирались и события трёхлетней давности. Из-за них, его молодой подопечный, имевший все шансы стать одним из лучших агентов, угодил за решётку. Сам он отделался переводом из штаб-квартиры на Лубянке в столичный округ.

С годами чувство ответственности за судьбы подчинённых только усиливалось, он терпеливо выжидал случая, чтобы вызволить одного из них. Моторин был тёртый калач, человек чести, как бы это странно ни звучало для репрессивного учреждения в обывательском понимании. Он не отмежевался от тех, кому доверял, мог оставаться независимым в очень зависимой системе, и был предан службе, а не начальству. Многочисленные ветры перемен он пережил со стойкостью китайской мудрости, в нише беспристрастного профессионализма. Карьеризм был ему чужд.

Сейчас город снова сидел на пороховой бочке, и никто не имел представления, с какой стороны могли поджечь фитиль. В прошлом случае, после которого он попал в опалу, проходившая «без сучка задоринки» операция, каким то образом сорвалась, будто вмешался злой рок. Но сыскных дел мастеру не следовало бы полагаться на судьбу. Он подозревал измену, ахиллесову пяту разведки, особенно при всесии денег в пост советскую эпоху, где бесцеремонно торговали всем, включая и безопасность.

И вот, к полудню следующего дня, после того как он получил директиву по неотлагательным розыскным мероприятиям и соответствующие наводки, его подчинённым, похоже, достался настоящий улов. Редкая удача.

Проверив один из крупных складов строительных материалов, оперативники обнаружили несколько килограммов пластида, скрытых в мешках цементной смеси. Только этой взрывчатки хватило бы, чтобы разнести не одно здание. По свежим следам немедленно проводились облавы. Задержанных фильтровали, перемещали в подвалы Лефортово, где их бесцеремонно допрашивали озверевшие оперативники.

Склад был арендован холдингом крупнейшего коммерсанта Амалиева. Из всех задержанных несколько человек оказались соучастниками, которые показали, что отвозили взрывчатку на строительную площадку торгового центра. Немедленно туда устремились отряд бойцов, оцепивших объект, криминалисты, сапёры, оперативники. Торговый центр был отстроен, оставались приготовительные работы к открытию, которое состоялось бы в ближайшие дни. Его обширные залы могли вмещать до нескольких тысяч посетителей одновременно.

Чувство удачи смешалось с ужасом от того, какую адскую машину удалось обезвредить сапёрам. В стыках купольных балок с колоннами, на которые опиралась громоздкая монолитная крыша, были искусно замурованы заряды. Все они соединялись с электрической сетью, и были снабжены взрывателями. Обнаружив первую закладку, сапёры тут же потребовали отключить объект от электричества, иначе террористы, узнав, что их разоблачили, привели бы свою чудовищную систему в действие.

Позже, выяснили, как всё это должно было сработать. В нескольких местах были скрытно вмонтированы миниатюрные пусковые аппараты, которые реагировали на зашифрованный электронный сигнал.

Катастрофа могла произойти в любую минуту, когда проводник карающей воли Аллаха просто нажал бы на кнопку, превратив торговый центр в руины, под которыми были бы погребены тысячи человек.

Недели через две Моторин узнал, что некто полковник МВД, по фамилии Сотник, обвинялся в связях с террористами. Именно с ним контактировал его подчинённый, до того как его осудили. Дарованный судьбой случай, призывал Моторина к активным действиям.

Он выбрал момент спустя месяц после предотвращённого взрыва и напросился к Буранову на приём личного характера. Это стало возможным благодаря успешной операции, укрепившей позиции директора ФСБ.

Они были знакомы с незапамятных времён, конечно уже – не друзья из-за разницы в служебном положении, но напрочь связанные соратники, хотя Буранов с некоторого момента чурался опального помощника.

В этот день подчинённый подметил в своём шефе благосклонность, уловимой в смягчённом взгляде и полуулыбке. Мало кто одаривался благодушием главы самой могущественной спецслужбы. Они сели друг против друга за овальным столом.

– Мой бывший подчинённый Визант невиновен, – сразу отчеканил Моторин.

Директор отклонился на спинку кресла с непроницаемым выражением лица.

– То, что обвиняемым стал некто Сотник, говорит в пользу моей правоты. Тогда наша операция была сорвана, возможно, не без помощи всё того же Сотника. Мы воспользовались его агентурной сетью. Не исключено, что и за ним ещё кто-то стоит.

– Владимир, это твои догадки и журналистские домыслы. Обычная вера в заговор. Следствие не закончено. Виновность этого Византа установил суд, его решение никто не может отменить. Есть досрочное освобождение, амнистия, помилование, наконец, что даруется за определённые заслуги. В любом случае, у него есть шанс, – беспристрастно разъяснял директор.

– Визант ориентировался на информацию Сотника, она оказалась ложной. И если он невиновен, не честнее ли пересмотреть дело и признать его таковым? Он способный и преданный агент, его нужно вернуть в строй. Я отвечаю за него. И почему меня не привлекают свидетелем в деле Сотника? – откровенность Моторина имела неисчерпаемый заряд воли.

– Я тебе обещаю, Владимир, что если появятся достаточные основания, будет проведено дополнительное расследование по делу твоего подчинённого, – ответил Буранов, оценивая заступничество собеседника, но с иронией к его вере, что пересмотр дела возможен, в системе то отечественного правосудия. – Зря вы доверились осведомителям из МВД.

– Тогда у нас не было другого выбора. Менты имеют широкую агентурную сеть, хотя и продажность там сплошь и рядом.

– Я знаю, – с выдохом досады ответил директор.

Моторин не очень то и рассчитывал на откровенность высокого начальника, но что тайлось под его закрытостью. Может быть Буранов, подозревая происки как внутренних врагов, так и внешних, то есть некоторых высокопоставленных чиновников из других ведомств, задумал игру по их уличению и какую-то роль отводил Византу. Ведомство редко карает своих официально, разве только изменников, иногда – мздоимцев, но привлечь за халатность – редкое исключение. Тайная полиция всегда стояла выше остальных силовых структур, часто спихивая на них вину за провалы. С отступниками расправлялись внесудебными способами. Бытовала правда ещё одна практика – отправлять в отсидку агентов кротов, дабы создать легенду для криминального мира, но эти смельчаки были всё же законспирированы. Его подопечный Визант сел как офицер Федеральной Службы Безопасности.

В России сильна традиция абсолютизировать власть, и кто взобрался на Олимп, заболевает апостольской миссией настолько, что быть повергнутым среди богов, – сродни концу света для них. Прометеи здесь появляются крайне редко. Зато как обычно прогрессирует другая болезнь – самонадеянность, неизменно ведущая к ошибкам и злоупотреблению. А для интриг существует и более низкое сословие, обиженные и амбициозные средние чины, лучшие рычаги для манипуляций, без явного сговора с ними.

– Не одному молодому человеку я открыл путь в нашей службе, – задумчиво объяснялся Моторин, – но я потерял границу допустимого цинизма, нужного для выполнения долга. Когда нет людей, на которых бы я мог положиться, я не доверяю и самому себе.

– Я всё отлично понимаю. Твои слова свидетельствуют о том, что ты сохранил честь профессионала. Но с другой стороны, я сделаю вид, что не расслышал в них пораженческих настроений.

Чтобы не заканчивать встречу на такой официозной ноте, директор предложил подчинённому коньяк, расспросил о семье, затем они вспомнили что-то из давней совместной службы, и таким образом тональность дружеских отношений была выдержана.

Глава 3

Когда спасают бывшие враги

Новые сведения о предотвращённом взрыве, последствия которого и представить было невозможно, а вернее, в наихудшем ожидании, дело могло бы дойти и к смене государственного режима, придали Александру осязаемую надежду. Нарекание администрации не могло удержать его от анализа, он просто не вёл записей, от насущного интереса память могла вместить всё нужное и без бумаги.

Суд над Сотником проходил в закрытом режиме, но имел достаточно лазеек для журналистского брата, который привирает и додумывает, однако же, и ложь указывает на правду, достаточно быть умелым сыщиком.

Полковник милиции Сотник из департамента по борьбе с организованной преступностью и терроризмом, обвинялся в халатности, злоупотреблении властью и подделке документов. Если на суде всплывёт и его причастность к предыдущему преступлению, то у Александра появлялся шанс на реабилитацию. Но его случай затрагивался пока только вскользь, и то, журналистами. Управляемое правосудие обрезало бы нити к расширенному расследованию, которое бы могло скомпрометировать более высокие чины. Именно по этой причине, как считал Визант, Сотнику не стали вменять соучастие в терроризме, повесив на него второстепенные статьи.

Спустя три месяца надежда на пересмотр дела если не исчезла навсегда, то на неопределённое время удалась. Слишком скор был суд, признав Сотника виновным по всем статьям, но из-за предотвращённого преступления вынес ему сравнительно мягкий приговор – шесть лет заключения в колонии общего режима.

Вряд ли случай так распорядился, что Сотника конвоировали в этот же лагерь. Конечно были и те, кто не хотел их встреч. Время упускать никак нельзя было.

На ловца и зверь... Александр сам получил от Сотника записку о встрече после нескольких дней, как он оказался здесь.

В назначенное время, за пару часов до отбоя, они отделились от куривших у барака собратьев, деливших впечатлениями ещё одного уходящего дня в неволе. Те могли наблюдать за разговором, хотя и ничего не услышали бы, и делали вид, что их это вовсе не интересует. Но достаточно было жестов, чтобы понять, кто слабее в словесной дуэли, и это мгновенно бы разошлось по всему лагерю, где любая деталь влияла на репутацию, которая здесь стоила очень дорого.

Визант рассчитывал, что противник, будучи подавленным первыми, самыми тяжкими днями пребывания, которых у него бесконечное множество, приоткроет некоторые тайны. Хотя Визант так и не был уверен, спасёт ли его это, или погубит. Им двигал инстинкт сыщика.

Игорь Сотник, молодой человек выше среднего роста, его хорошо сложенная и натренированная фигура не сглаживалась фуфайкой и свисающими штанами. Вытянутое лицо и пронзительный взгляд, смазливый, вызывающий жалость, наверняка неотразимый для баб. Сейчас он выглядел если не потерянным, то с сильным внутренним напряжением. До того, как произнести первое слово закурил дешёвую сигарету без фильтра. Александр избавился от этой привычки, которую здесь же и подцепил, ощутив, как силы и без того убывают с каждым днём, от принудительной работы и скудного питания.

– Не сомневаюсь, что ты очень ждал этой встречи? – бросил Игорь немного тонким мембранным голосом, характерным для мерзавцев.

– Стоит ли нам что-то скрывать друг от друга в сложившихся обстоятельствах?

Сотник жадно затянулся, недоверчиво и с долей брезгливости потупив взгляд.

– Ты для меня уже угроза, когда я с тобой заговорил, – ответил он.

– Ты нарушил это табу, если оно вообще было. Моя операция была намеренно сорвана, и утечка произошла, как я подозреваю, от тебя, или твоих агентов. Ты продался, или тебя самого использовали?

Лицо собеседника зарделось в мутном зареве осеннего заката, взгляд светился отчаянием и раздражением.

– Внутриведомственные разборки выше середины не коснутся. Для этого есть такие как мы, козлы отпущения. Твоё желание узнать больше положенного, комариный писк.

Сотник резко развернулся и энергично удалялся от растерянного Александра, обыграв мизансцену в сою пользу. Очевидно, что Сотник провоцировал его, вызвав на встречу и оборвал её, оставив собеседника не солоно хлебавши. Либо он зондировал почву, не будучи уверен в том, что некоторые сведения могут спасти его, или, набивал себе цену. Так или иначе, его положение казалось безнадежным, тонуший хватался за соломинку. А в этот бодрствующий и свободный остаток суток, по возвращению в барак, Визант, в который раз, перебирал детали трагического события, которые и перевернули его судьбу.

До своего заключения, он участвовал в планировании и осуществлении ловушек для террористов. Делалось это рискованным способом. Под оком спецслужб тем позволяли просачиваться в столицу, затем отслеживалась цепочка перевозки оружия и взрывчатки, а также фигуранты попустительства среди милицейских чинов. Попавшую в эти сети рыбешку тут же выуживали. Но, как и бывает в сложных играх, агенты оказываются двойными, в результате и сам охотник попадает в западню.

Так, под непосредственным руководством Византа, в хорошо спланированной операции, спецназ нагрянул на склад, где якобы собрались боевики перед проведением своей акции. С десятков накачанных дурью смертников отчаянно сопротивлялись, но, как позже выяснилось, они были ложной мишенью.

Террористы вели дезинформирующие переговоры по сотовой связи, доступной оперативникам, которые уверовали, что вычислили логово зверя, намеревавшегося покинуть его ради кровавой жатвы. Но нарвались на засаду, в результате, пятеро бойцов погибло, с полдюжины получили серьёзные ранения, а лейтенант Визант пожалел, что остался жив.

Но настоящий кровавый подвох их ждал впереди. Другая группа боевиков захватила универсам с заложниками, цена освобождения вылилась в десятки жизней невинных граждан.

Агент, давший ложные наводки, был завербован Сотником. Византу настоятельно советовали не упоминать об этом на следствии и суде. Даже Моторин, его непосредственный начальник, кому он доверял, убеждал его, что эти показания ничего не изменят, или того хуже, усугубят его вину.

Впрочем, Моторин обещал, что приложит все усилия, чтобы вытащить его из тюрьмы. Сотник же был человеком Юдина, заместителя министра внутренних дел, который курировал антитеррористическую деятельность в своём ведомстве, и был соратником Спирина, своего визави из ФСБ, более влиятельной персоны, чем Моторин. Словом, Визант был первым стрелочником, теперь пришла очередь и Сотника.

Сотник в течение многих лет создавал агентурную сеть среди сепаратистов. Это был его конёк. При разработке и осуществлении операции Визант и использовал его информаторов, за недостатком своих, поскольку милиция масштабнее присутствовала на Кавказе, и в силу этого имела больше связей среди местного населения и диаспоры в России. Но Визант ещё упрекал себя и за то, что рьяно взялся за дело, не без честолюбивых устремлений. Самонадеянность и подвела. С другой же стороны он имел серьёзное поручительство от высокого и опытного наставника, старого волка Моторина. Разве голова не пойдёт кругом?

Не секрет, что милиция разъедалась коррупцией и беспечностью, но Моторин ссылался на жёсткое предписание свыше о всяческом взаимодействии в борьбе с терроризмом.

Не исключено, что Визант стал разменной пешкой в соперничестве ведомств. Но в новых обстоятельствах судьба могла дать шанс ему на спасение, или, напротив, перемолоть в своих жерновах. Тут или пан, или пропал.

Буранов имел закрытую беседу с главой управления собственной безопасности Константином Вольским, мужчиной лет под шестьдесят, невысокого роста, с плотной полнотой, облысевшего, с живыми крупными глазами, от внимания и пронзительности которых ничего не ускользало.

Его служба входила в состав ФСБ, хотя могла действовать и самостоятельно, сотрудничая и с МВД и прокуратурой, но в таких случаях нужна была санкция высшего лица страны. Этот случай как раз сейчас и наступил – президент подписал указ о создании объединённой комиссии по внутреннему расследованию, которая на время подчинялась только ему. Благодаря Вольскому, Буранов узнавал о тех скрытых намерениях лидера страны, которые не доводились до него лично, и сам в свою очередь, мог через Вольского донести свои соображения, без аудиенции.

– Следствие наше почти не двигается с мёртвой точки, – высказался Вольский, когда они уселись напротив друг друга за овальным столом. – Милиция выстраивает невидимую стену для моих людей. Подчищают концы, целые тома дела исчезают.

Вольский хоть и жаловался, но по сути его слова выражали указание.

– Прошли те времена, когда МВД трепетало перед нами, – сдержанно ответил Буранов.

– Пока, я могу только предполагать, откуда ветер дует.

– И откуда же он дует? – директор взирал на собеседника непроницаемыми оливковыми зрачками.

Разговор касался политики, темы скользкой, и как осторожный тактик, Буранов сперва выслушивал кремлёвского фаворита, прежде чем высказаться самому.

– Амалиев и Кадыров конкурирующие кланы, как, впрочем, и все кланы на Кавказе. Не исключено, что Амалиев, или ещё некие силы за ним, надеялись, что нынешний чеченский лидер теряет фавор. Но взрыв, опять же, мог бы похоронить репутацию и того и другого. Кому это выгодно? Я не говорю о террористах, которым нужен хаос. Но кто и по какой причине в МВД противодействуют моему расследованию. Без твоей помощи этот клубок мне не распутать.

– Я так понимаю, ты хочешь взять в разработку кого-то из крупных чинов? – хладнокровно осведомился Буранов.

– Именно. Круг очерчен, но твой совет не помешает.

– Если есть обоснованные подозрения, я готов дать санкцию на отслеживание любого из своих подчинённых, – сухо ответил Буранов, не поддаваясь на лесть и намёк на то, что теракты, кем-то, кроме террористов, могли быть использованы и в борьбе за власть. – Следить за чиновниками из других ведомств я могу только с санкции президента.

Директор уверенно откестился от провокационных версий.

– Думаю, кто-то просто спасает честь мундира. Хотя нельзя исключать, что там завелись продажные мерзавцы, – резко добавил он.

– Основания, Григорий, более чем очевидны, – бойко подхватил Вольский. – Сотник не в одиночку создавал агентурную сеть, где наверняка кишело крысами. Некто Визант, ваш человек, ныне осуждённый, использовал его информацию, и хотел во время расследования указать на Сотника, но его показания замяли. Мои люди поднимали архивы, там полно белых пятен на этот счёт. Уверен, что этого Византа подставили, как и сдали сейчас Сотника.

– То совместное расследование возглавлял следственный комитет, а милиция переиграла моих людей, – развёл руками директор.

– Я знаю. Как и в последнем случае, когда следственный комитет не решился расширить круг следствия дальше фигуры Сотника. А он ключевой свидетель. Там, в лагере, он может замолчать навсегда.

Вольский выставил Буранова в ущербном виде, как проигравшего другим силовым ведомствам. Тут от союза и деться было некуда, чего директор вообще то и хотел, оставалось только вырулить на равноправные позиции.

– Прокуратура больше имеет влияние на суд, чем мы, вот и получаем плоды, – констатировал Буранов.

– Зато есть возможность взять реванш. У нас имеется финансовая зацепка на Сотника. Его брат в Германии открыл пару автосервисов, стоимостью приблизительно в пять миллионов евро. Хотя до этого работал простым моряком.

Раскрывая эту информацию, Вольский давал понять, что имеет сведения и от внешней разведки, через голову Буранова, который стойко снёс и этот маленький укол. Он наверстает позже, подключив своих спецов к делу и подмяв под себя этого Вольского, чтобы тот не обошлся на счёт своего мимолётного фавора у президента.

– Вдруг эта ниточка ведёт к финансовой системе продажных чиновников? А ещё хуже, террористов?

– Хорошо, договорились, – утвердительно произнёс директор, а затем добавил то, о чём будто забыл за важными деталями. – Мы вместе пойдём к президенту за санкцией отслеживать высокопоставленных персон из других ведомств.

– Идёт, – подхватил Вольский.

– Получается, что нашего сотрудника, по фамилии Визант не справедливо упекли за решётку? – поспешил сменить тему директор.

– Его вина слишком натянута, на мой взгляд.

– Я буду ходатайствовать за него, – пообещал Буранов, чтобы не ронять себя в глазах Вольского тем, что равнодушен к судьбе своих коллег. – Не исключено, что мы вернём его на службу.

– Мы его могли бы использовать уже сейчас. Он находится в одном лагере с Сотником. Пока Сотник держал язык за зубами, а Визант, возможно, единственный, кто способен вызвать его на откровенность. Сотник находится в отчаянном положении – и проболтаться боится, а заодно и того, что никто его тайн не узнает.

– Резонно, – согласился Буранов, вскинув бровь, скрывая то, что он приложил максимум своего влияния, чтобы виновного Сотника поместили в ту же колонию, где отбывал срок и его бывший сотрудник Визант, в то время как за неизбежным спором этих двух врагов наблюдало бы всевидящее око ведомства.

Оставаясь в стороне от судебного процесса, Буранов мог ответить присущим его службе способом: продолжить засекреченное расследование. В том, как раздобыть самые недоступные сведения, ведомству, разумеется, не было равных, а дойдёт ли дело до суда, это уже вопрос второстепенный, рассчитанный в основном на публику, к вниманию которой секретные службы не имеют особой ревности.

Важно уличить соперников в глазах высшего лица страны.

Для Вольского же, ревизора в силовых структурах, Буранов, тем не менее, был совсем не по зубам. Поэтому Вольский сам спешил в объятия директора самой могущественной службы.

В бушлат Византа сунули записку, когда он, нагромождённый миской жидкой каши с ломтями чёрного хлеба и кружкой чая, сидел за стол. Узнаваемым старательным почерком Сотник предлагал ему новую встречу.

По лагерю бродили слухи, что в захолустный город, в районе которого находилась колония, прибыли столичные следователи, что сразу связали, разумеется, с не утихавшими событиями раскрытого покушения на массовое убийство. Окажись Сотник соучастником терроризма, он становился смертником по неписанным тюремным законам. Тем более, что заключённые, не избалованные развлечениями, жили ожиданием справедливого возмездия. Однако Сотник прежде времени не выглядел безвольным существом, которому всё равно, живёт он или нет. А вот на Византа злобно и предупредительно косились, как бы говоря, что и у него нет причин для особых надежд. Когда с тобой говорят представители власти в лагере, это всё равно, что тебя опускают до уровня стукача. Здесь же никто не сомневался, что следователи в первую очередь намерены допытывать Византа.

За час до отбоя они укрылись от посторонних глаз и от ледяного ветра ранней сибирской осени, в глухом месте у торца барака.

– Тебе, похоже, светит освобождение, – необычно хладнокровно передал новость Сотник.

– С чего ты это взял? – недоброжелательно брякнул Александр.

– Известно откуда... Твоя служба взялась за новое расследование. Этого следовало ожидать... Ради чего сыскари из ФСБ нагрянули в это гиблое место? Здесь и эков скоро нужно будет занести в красную книгу. За твоими показаниями, самой собой.

– Нельзя ли ближе к делу? – грубо перебил его Александр в отместку за прошлый раз, когда собеседник позволил пренебрежительный тон.

Ненависти за то, что он оказался в тюремном бараке по причине измены, Визант почему-то не испытывал. Разве только презрение.

– Не перебивай, дело не шуточное. На меня уже один раз стрелки перевели. Но я ляжку тянуть не хочу, – признавался Игорь обречённо.

– Первые месяцы здесь особенно тяжело. Но я в этой экзотике более двух лет, даже привык, – с издёвкой подметил Визант.

– Не ври, к этому привыкнуть невозможно. Мне, что молчать, что говорить – один чёрт. Но от молчания на душе погано. А известно мне не так уж и мало, я не забыл собрать компромат, – он всматривался в холодное зарево сумерек. – Уж если я заложу кого-нибудь, то не для того, чтобы медленно догнивать здесь, да и то в страхе, что в любой день утопят в параше, или придушат ночью подушкой.

– Твоё дело закрыто, чего тебе волноваться? – равнодушно бросил Визант.

– Чёрта с два. Следствие заново открыли, ты что, не понял? Да ещё фээсбэшники, у которых зуб на ментовскую контору. На меня повесят всех собак и накинута ещё с десятков годков, мало не покажется. Соучастие в терроризме, сам понимаешь, система тут беспощадна, меня переведут в тюрьму со строгим режимом.

– И что же я могу сделать?

– Помочь и мне выйти на свободу. Я считай, ходячий труп. Но я важный свидетель. Выбор то у меня невелик – между смертью и смертью, между заживо погребённым в каменном мешке, или быстрой гибелью в этом же лагере.

– Тогда странно, что ты ещё жив, – изрёк Александр без злорадства, просто, как бы констатируя факт.

– Странно, что я вообще попал сюда... – Сотник совсем не выглядел малодушным, как этого ожидал Визант, и если он не был настолько циничным, чтобы так хладнокровно держаться, то тогда он относился к разряду мужественных людей, хотя и был крысой.

В эту секунду лагерь осветился электрическими прожекторами и фонарями, их теперь мог наблюдать охранник на вышке, метрах в пятидесяти.

– Пока я тебе почти всё сказал. Если со мной что случится, найди человека по кличке «писарь». Он даст наводку к моему архиву.

– А он не сдаст тебя?

– Материал заполучить всё равно не просто. Я ведь над этим думал. Это получится не у каждого, у кого даже будет наводка. Тебе дам подсказку, додумаешь остальное сам. Риту Вагнер, надеюсь, знаешь?

– Слышал, – изрёк Визант, но не сразу, и с напускным равнодушием.

– Думаю, что не многие её знают хорошо? Она интриганка, каких поискать. Умеет прятать свои чувства, но хорошо играет чужими.

– В нашей работе, без этого качества нечего и нос совать, – на одном дыхании пробормотал Александр, чтобы скрыть нервозность.

– Что верно, то верно, – нехотя отшутился Сотник. – Так вот, тем провалом ты обязан не мне, как ты, наверное, считаешь, а ей, или ещё точнее кому-то, кто руководил ей. У неё в постели бывали и высокие чины.

От взрыва ревности Визант едва ли не отделал его парой тройкой хуков в уязвимые места. Так бы он и поступил, несмотря на внешнее физическое превосходство собеседника, но удержала мысль, что тот только провоцировал его на откровенность, дабы почерпнуть дополнительные сведения.

– Ты выгораживаешь себя, – презрительно воскликнул Визант. – Не твой ли агент подвёл нас под ложный манёвр бандитов?

– Мой агент разве лично всё довёл до твоего сведения? – резко воскликнул Сотник.

– Нет... – пришёл в замешательство Александр. – Сведения я получал от своего начальства... И от Риты Вагнер тоже.

– Вот именно. Агент погиб вместе с боевиками. Он предупреждал, что бандиты будут маневрировать. Я сохранил его телефонные записи. От него я передавал сведения своему начальству... И Вагнер, то же... Только в устной форме, – хитро добавил Сотник.

– Я доверился потому, что до последней секунды вся информация подтверждалась. Или этот твой агент оказался предателем, или кто-то ещё выдавал сведения бандитам. Но почему именно Вагнер? Где доказательства? – теперь ревность у Византа выразилась в сильное любопытство.

– Мой агент погиб. Предатели не жертвуют собой, они, как правило, подставляют других. А Рита, человек Спирина. Она стояла того, чтобы он продвигал её, и не только из-за постели. Она была его ушами и глазами. Этот серый кардинал Спиринов не подстраивает провокации своими руками.

– Значит, из тебя сделали козла отпущения, – позлорадствовал Визант в отместку за язвительный тон собеседника.

– Ну-ну, полегче... Ты вот образец беззаветного служения своему делу, а всё равно сюда попал. Что уж говорить обо мне? – артачился Сотник в презрительно шутовском тоне.

– Допустим, что всё это правда. Зачем им нужно было допускать этот теракт? Ведь Спирина за это не погладили бы по головке, даже если никто и не обнаружил какой-либо подтасовки.

– Вот этого точно сказать не могу. Одни продают оружие, другие прикрывают наркоторговлю, самые влиятельные бонзы начинают войны из-за ресурсов. Чем терроризм хуже? Хотя, думаю, всё выглядит банально – клановые разборки. А что касается этого Спирина, может, он переродился, с нашим братом такое бывает. Когда борешься с нечистью, то и самому не долго попасть в её разряд. Но мне наплевать, я ляжку тянуть не собираюсь.

Сотник растоптал уже второй, до конца истлевший окурочок, и тут же достал из мятой пачки следующую сигарету.

– Я один из тех, кто создавал агентурную сеть среди кавказцев, – продолжил он. – Рекрутировал их в органы. И не скрою, брал мзду, за протекцию. Многие из них просто горят желанием надеть форму. Им нужно крышевать своих земляков, или отбивать чужую собственность. И не только. Не исключено, что туда просочились террористы. Хотя, для меня, они все тер-

рористы. Работал я под патронажем Юдина, главного куратора антитеррористической борьбы в ментовской системе. Он же отчасти и рулил бизнесом в кавказской диаспоре. Имеется и кое-какой компромат, но раскрыть карты могу только под гарантии свободы.

Игорь снизил темп своей речи, жадно затягивался третьей сигаретой, пытаясь как бы согреться изнутри. Мороз крепчал поминутно.

– Здорово же ты залетел, – скептически заметил Визант.

– Надеюсь, ещё встретимся, – вдруг ретировался Сотник.

С ощущением обновлённой надежды и желанием передохнуть от изнурительного и тупого лагерного труда, Визант так и не сомкнул глаз в сладостной истоме, пока трясся в развалюхе фургоне с двумя охранниками по разбитой дороге в пятьдесят вёрст.

– Вы два раза встречались в лагере с Сотником с глазу на глаз. О чём шла речь?

Двое следователей ФСБ, среднего возраста и заурядной внешности, сидели напротив него за узким столом в серой облезлой комнате для допроса, при городском СИЗО.

– Я надеялся, что буду под контролем, – парировал Александр.

– В последний раз Сотник оставил три окурка, – подхватил другой следователь.

– Он готов дать некие показания, если ему гарантируют свободу, – ответил равнодушно Визант.

Сыщики даже не переглянулись, их угловатых схожих лиц едва ли коснулась и тень удивления.

– Мы сомневаемся, что его сведения стоят того, – пробормотал главный из них, старше и по возрасту. – Но вы говорили с ним около полу часа. На что был потрачен остаток времени, кроме того, что вы сейчас передали?

– Он бросил мне заправку.

После сосредоточенной паузы, Александр обрисовал их разговор, не упомянув о «писаре» и Рите Вагнер.

– И он не дал вам ключи к своему компромату?

– Нет, не дал. Он надеется на ваше содействие. Я только могу передать его предложение?

Теперь они уставили на него свои пронзительные взгляды, из которых исчезло всякое расположение. Препирательство стоило ему таким ужесточением допроса, когда бы он вошёл в транс непонимания того, что с ним происходит. Подобное он уже испытывал в своё время. Из него будто вынимали душу, подвергали её некому магнетизму и возвращали уже другую, в ней он чувствовал свою вину и желание раскаяния в том, чего не совершал. Правда, остаток воли срабатывал таким же мистическим образом, и он не признавал вину. Почему же теперь ломаться?

– Он вам назвал кличку «писарь», зэка, к которому вы должны были обратиться, чтобы получить нить к его сведениям. Вы не хотите с нами сотрудничать? – ядовито добавил следователь.

– Я получил свои пять лет, – отрезал Визант.

– Вас могут помиловать, или даровать условно досрочное освобождение. Но могут и увеличить срок, если мы докажем, что вы были в сговоре с Сотником. А мы докажем, если захотим. Мы сейчас прервёмся, сделаем хронометр ваших ответов, если выясним, что разговор с Сотником был длиннее нашего с вами, мы начнём допрос заново. И так будем продолжать, пока вы не вспомните слово в слово обе встречи с Сотником. А ещё подвергнем вас экзаменке на полиграфе. Вы знаете как это неприятно.

– Мы с ним выясняли отношения, – с горячностью высказался Визант.

– Какие?

– У меня есть подозрения, что я нахожусь здесь из-за его предательства. Его агент, чьими данным я пользовался при операции, или был двойным агентом, или террористы знали, что он

работает на нас, но использовали его, инсценируя ложную подготовку к теракту. В результате, я попал в ловушку, и даже двойную. Погибли люди из моей команды, и ещё десятки невинных граждан, – с сожалением признавался Александр, но устало, повторяя это уже не раз и не желая выглядеть принуждённо раскаявшимся. – Когда бандиты вычисляют нашего агента, они его убивают. Получается, они задолго до операции знали, что он работает на нас, и дезинформировали нас с его помощью.

– И что же объяснил Сотник? – главный и его помощник заинтересовались кратким рассказом, что снова вернуло их расположение.

– Он перевёл стрелки на Юдина, замминистра МВД, и Спирина, руководителя УФСБ по Москве и области.

– Мы отлично знаем, кто эти люди, – отрезал федеральный следователь, будто не желал произнесения вслух названных лиц.

Но поразило Александра прежде всего то, что упоминание высоких чиновников не произвело на них впечатления. Или присущее хладнокровие осталось при них, или слухи о грязных делах не были для них внове, а вероятнее всего, они не придавали таким показаниям значения, уверенные, что персоны в таком ранге не подвластны правосудию.

Громкими фамилиями Визант прикрывал имя Риты Вагнер, имея на это личные причины. Если бы даже Рита сыграла свою роковую роль в его судьбе, Александр и не подумал бы подставлять её под удар фемиды или каких то её тайных врагов. Он предпочёл бы, и надеялся, рано или поздно, заглянуть в её глаза и самому всё выяснить.

– Мы намерены провести очную ставку с Сотником, – заключил главный из них, к удивлению Александра, ожидавшего более длительного и подробного допроса.

Хотя всё ещё только начиналось, и возможно его будут истязать допросами, пока не поймут, что вымучили из него все нужные показания. Сейчас он не мог разобрать, стараются ли эти службисты провести беспристрастное расследование, или как это чаще бывает, отработывают какой то заказ начальства. Да и не мешало бы в первую очередь знать какого именно начальства. Не отводилась ли ему очередная роль разменной пешки?

Неволя безапелляционно приучает человека к состоянию животного, и лучше не будоражить себя надеждой на свободу, это расхолаживает волю к первобытному выживанию. После первого допроса он не помышлял об освобождении, его мечтания ограничивались привычным душным баракком, трёхразовым питанием и жёстко отрегулированным существованием.

Заключение в городской кутузке продлилось уже два дня, без единого вызова на допрос. На третий день его перевели в одиночную камеру. Неужели решили смягчить содержание, для сговорчивости, меняя кнут на пряник? Или неожиданно испугались за его жизнь, цена которой вдруг поднялась по каким то причинам? Впрочем, Визант сомневался, что чьи-либо показания всерьёз повлияют на ход возобновлённого расследования. Уж слишком сильна круговая порука среди высших чинов, чтобы пешки вроде него или Сотника, могли прорваться в дамки с каким бы то ни было компроматом.

На пятый день подтвердились самые нелепые и навязчивые опасения. Допрос вёл один следователь, тот который меньше чином.

– Сотник мёртв, – сообщил он, не отрывая взгляда от заключённого.

Повисла восклицательная пауза.

– Как это случилось? – тихо спросил Визант.

То, что и ожидалось, произошло, но уж слишком быстро.

– На лесоповале. Накрыло сосной, – неприязненно отвечал федеральный сыщик.

– На моей памяти в этом лагере не было ни одного убийства. Вы верите в несчастный случай?

– Конечно, не верим. Мой коллега остался там на расследовании.

– Когда это произошло?

– На следующий день, когда вас сюда привезли, – следователь перешёл на благожелательный тон, открыл даже бутылку воды, которую принёс с собой, и налил в оба пластмассовых стакана.

Из-за поражения спесь быстро сходила с него, теперь они нуждались в нём ещё и как в помощнике.

– Вы не предупреждали администрацию, чтобы его держали изолированно, – вкрадчиво атаковал Визант.

– Мы высказали такое пожелание. Но просьба – не приказ. Нужно было просто вывезти его из лагеря, вместе с вами, – спокойно объяснял следователь. – Начальник заверил, что на лесоповале не более опасно, чем в других местах.

Офицер ФСБ ждал замечаний от собеседника.

– Странно, что Сотника не убрали раньше, если уж он опасный свидетель. Не верили, что будут пересматривать дело? А когда это случилось, не рискнули отдать его в ваши руки, – рассудив как бы про себя, Визант прервался, а затем снова спросил: – Подробности какие известны?

– Чтобы их узнать, нужны свидетели. А зэки как воды в рот набрали. Ничего не видели, ничего не знают. Сексоты могли бы прояснить картину, но показаний не дадут, если начальство велит. Тут мы бессильны. Есть одна пока зацепка – если это убийство, то здесь, в относительно спокойной зоне, его могли купить за хорошие деньги. Платить ведь надо не только убийце, но и тюремщикам. Получается, что заказчик, не из бедных.

Следователь, какое то время сосредоточенно смотрел перед собой, затем его лицо стало начальственным, вспомнил, что перед ним подследственный, а не коллега.

– Теперь вы понимаете, как нас интересует выход на досье Сотника?

– Вы же сами знаете, как он советовал мне «писаря».

– И этот источник пуст.

– Что, «писаря» тоже убрали? – воскликнул Александр, предчувствуя жесткий тон и пренебрежение к себе и потому желавший ухватить достоинство авансом.

– Нет. Но может именно поэтому ничего не скажет. Ему отсиживаться не так долго осталось. К слову, его то и могут обвинить в непредумышленном убийстве.

– Даже так. Кондово сработано, хотя и надёжно, – насмешливо произнёс Визант. – Не сама же сосна свалилась на Сотника?

– В звене работало несколько человек. Сотник оказался в зоне падающего ствола. Там был и «писарь». Сам Сотник неопытный, как направить падающий ствол – не знал. Нарушение техники безопасности. Скончался сразу, от сломленного позвоночника. Такова будет официальная версия. Хотя это уже не имеет значения.

Следователь оторвался от спинки стула, облокотился на стол и вперился взглядом перед собой.

– Этот «писарь» может дать ключ нашим недругам, а те подчистят концы, – продолжил он сухим тоном. – Наверняка «писарь» боится их больше, чем нас. Сотник же с самого начала опасался покушения, с его стороны вполне разумно было бы подстраховаться, то есть доверить нить к своему компромату ещё кому-то. А именно – вам. Вы не всё нам раскрыли, только непонятно – почему, – он поднял свой колючий взгляд на Византа.

– И вы намекаете, что мне уготована судьба Сотника, если я не раскрою то, что вы мне приписываете? – без досады высказался Александр. – Но у меня нет нужных вам сведений.

– На первое замечание ничего не могу сказать. Это ваши слова. Не хотите помочь, тем хуже для вас. Может вы в шаге от освобождения, – ультимативно высказался собеседник.

У Византа возникла догадка, что они могли разыгрывать его со смертью Сотника.

– Я готов помочь всем, что в моих силах. Но вы требуете того, чего у меня нет, – твердил Визант.

– Вероятно, вы нам не доверяете... Я вас понимаю, мало того, я верю, что вы попали сюда по ошибке. Но ведь ошибку можно исправить.

Даже поддавшись на обещание, Александр не находил аргументов в пользу своего освобождения. Дать клятву, что он будет рвать когти, чтобы вывести на чистую воду изменников в мягких кабинетах, имея на то сильные личностные мотивы, для него самого казалось наивностью. И всё же он решил сыграть ва-банк.

– Я бы предпочёл рискнуть в игре за пределами колючей проволоки. На свободе у меня точно будет больше шансов продвинуть ваше расследование. Но готовых ключей от загадок у меня нет, – ответил он также ультимативно, чтобы прервать изматывающий допрос.

– Нам не ставят условий. Завтра вас снова сопровождают в лагерь, – изрёк следователь.

Похоже, смерть Сотника – не вымысел. Завтра, он хотя бы узнает подробности и сможет посмотреть угрозе в глаза, а действие всегда лучше ожидания.

Но он натолкнулся на заговор молчания относительно деталей гибели Сотника. «Писарь» избегал встречи с ним, а когда им довелось столкнуться, он в прямом смысле шарахнулся от него. Вид у него был затравленный, ведь ему грозили сразу два суда – официальный, за неумышленное убийство, и «зэковский», за то, что он мог шестерить на следствие. Последний, страшнее.

На следующий день, в цеху обработки древесины, почти постоянном месте его работы, появились двое, по кличке «кувалда» и «плавник», про крутые нравы которых ходили слухи, но с которыми Визант до сих пор не сталкивался. Кругом работавшие зэки даже не обратили внимания, будто ничего не происходило. Александр предусмотрительно запрятал в скрытом кармане рукава бушлата увесистый свинцовый кастет.

Двое крепьшей встали по обе стороны, с безразлично отрешёнными лицами, пока Визант пропускал доску через столярный станок.

– «Арнольд» хочет с тобой переговорить, – сдавленным голосом сказал один из них. – На складе.

– А вы конвой? – не удержался от присущей насмешливости Визант.

– Варезку будешь открывать, когда тебя спросят. Босс два раза не зовёт и никого не ждёт, тем более, таких как ты, – протараторил некто «кувалда».

На склад можно было бы попасть из этого же цеха, через пустые переходы, ниши и закоулки, где пырнуть заточкой не стоило труда. У них наверняка есть алиби. Впрочем, к чему такая спешка, успокаивал себя Визант, им нужна сейчас не его жизнь, а информация.

Они миновали безлюдную зону и попали на склад, заставленный штабелями брёвен, с узкими проходами лабиринтами, где у Александра также не было никаких шансов, если бы с ним решили разобраться. Наконец они оказались на просторной площадке, через пару минут с другого узкого прохода вошёл натренированный верзила, коротко стриженный, с холемым выбритым лицом в чистом комбинезоне, а не в бушлате, как все остальные, подчёркивающим его рельефное тело.

«Пахан» всего лагеря, подтверждавший истину, что здесь заправляет именно физическая сила, а не интеллект. Бывший командир спецназа, сбивший группу из таких же, как он, под кем ходили бывшие чиновники репрессивной машины всяких мастей, чьи образованность и прежний статус не имели ценности. Он сел на импровизированную скамейку и указал место Византу напротив. Его подручные исчезли в узких проходах между штабелями.

Верзила по кличке «Арнольд» упёрся округлыми локтями в такие же исполинские ноги, и хворостиной стал выписывать неопределённые знаки на земле.

– А теперь расскажи, о чём был базар у тебя со следователем из столицы, – потребовал тихим голосом он, не глядя на Византа.

По неписаным законам Александр должен был доказать, что его не обратили в стукача после закрытой встречи с начальством, иначе его «зэковский» статус опускался, грозивший самой грязной работой и любыми унижениями. Но если бы дело было только в этом, вряд ли заправила всего лагеря возилась с ним. Александру предстояло пройти по лезвию ножа между тайной следствия, жестокими правилами тюремного сообщества, да ещё под маятником неких внешних интриг сильных мира сего.

– Это было длинное дознание? – озадаченно отыграл Визант.

– А я никуда и не тороплюсь, – гроза «зэков» поднял на собеседника стеклянный взгляд. – Есть подозрения, что ты раскрыл тайну, которую тебе доверил Сотник, из-за чего он мог поплатиться жизнью. Тогда, получается, ты его сдал, и отношение к тебе будет соответствующее. Даже я тебе не помогу при моём влиянии.

– Значит, это был не несчастный случай? – наигранно произнёс Визант, с этого момента уверенный, что именно люди этого «Арнольда» убили Сотника.

– Сейчас речь о тебе.

– Заказчики этого убийства мои личные враги, – дерзнул Визант человеку, которому стоило шевельнуть пальцем, и его жизнь превратилась бы в ад.

Хотя Александр сделал это из чувства страха, чтобы именно его и преодолеть. Ведь слово было его единственное оружие.

– Сотник сам хотел сдать кого-то из своего начальства, надеясь на свободу. Через меня зондировал почву. Но сведений мне он не доверял, – рассудительно добавил он.

«Арнольд» потребовал детального пересказа допроса. К концу рассказа он избавился от первоначально недоверчивого и небрежного тона.

– Сдай компромат Сотника и ты будешь под моей защитой, – неожиданно дружелюбным тоном предложил он.

– Уж не вы ли его и убрали? – сдержанно заключил Визант, глядя перед собой.

– Какая разница, кто его конкретно убрал? – также хладнокровно ответил «Арнольд». – Волей неволей я втянут в это дело. Не вмешайся, потеряю авторитет, а с другой стороны – за участие, ваше ведомство может отомстить. Ты ведь федеральный агент, да ещё родственники у тебя ветераны спецслужб. А мне скоро на свободу.

– Но у меня нет наводки, – безапелляционно повторил Александр.

Лицо лагерного босса выразило сожаление жреца перед овцой, которую уже отобрали для жертвоприношения.

– Подумай день другой над моими словами, – произнёс он, хищно убаюкивающим голосом. – Иначе не смогу тебе помочь.

Александр ощутил жутковатый озноб.

Весть о гибели Сотника вызвало у Риты Вагнер чувство подавленности. Вереница неудач с теми, с кем у неё были и личные отношения, посеяли сильные сомнения в выборе поприща.

Но более всего её одолевали страхи, что она имела отношение к этой неслучайной смерти, и что её нынешний покровитель Спириин опутал её крепкими нитями вины. Быстрым взлётом в своей карьере Рита бы расплачивалась мстительной ревностью стареющего волокиты и холодного крючкотворца. Если и выберешься из-под его когтей, всё равно останешься под его оком, вечной заложницей. Впервые на неё дохнуло реальной ценой за честолюбивые устремления.

Визант, первое серьёзное увлечение в её жизни, не считая первой любви, когда воображение страсти превосходит реальные достоинства партнёра. Видный молодой человек, отчаянный храбрец, идеалист, выбравший службу как призвание. Но даже при профессиональном

азарте он ничего не мог бы сделать для её карьеры. Потому что сам вряд ли высоко поднялся бы. Церберы хозяевами не становятся.

Звучная немецкая фамилия Вагнер сочеталась с такой же дородно соблазнительной внешностью. Округлые выточенные формы, волевое лицо, широкий светлый взгляд, бывавший покорным и весёлым, пронзительным и лукавым, но всегда завораживающим. Русская кровь скорее проявлялась в прямых русых волосах. Неброская, но вкрадчивая красота, если войдёт в душу, то уже не покинет её.

Именно эта красота привела её сходу в театральное училище. Бредив актёрской карьерой, Рита быстро поняла, несмотря на лёгкость первой победы, что остальные ей не дадутся, – её лицедейский дар был другого свойства. Она не ощутила цельности выбранного пути на подмостках. Играть роли обольстительницы и фаворитки она предпочла бы в жизни.

Но театрального образования не хватило бы, и она поступила на юридический факультет. Судьба сама шла на встречу – ей заинтересовались спецслужбы, рекрутирующие кадры среди юристов. Предложение польстило, манило обещающей неопределённостью, оно же разожгло в ней предвкушение реальной власти. Пожалуй, только эта организация и могла выдержать юных честолюбцев из небытия толпы.

Однако же разочарование и здесь не заставило себя ждать. После года рутинной бумажной работы, подозрительности и замкнутости сослуживцев, где и намёка не было на шанс удовлетворять своё тщеславие, вместо чего приходилось отбиваться от домогательств мелких начальников, она утратила, было насовсем чувство перспективы. Только на третьем году её перевели из аналитической службы в оперативно следственную, где ей доверяли вербовку информаторов вне криминальной сферы, среди обычных граждан, доносивших на соседей, коллег, партнёров и тому подобное. Затем она возглавила отдел, собиравший финансовые сведения о бизнесе, с целью выяснения лазеек в уходе от налогов и других злоупотреблений. Долгожданный успех стал благоволить ей, и дело состояло отнюдь не в скромном повышении. Куда важнее было то, что её впустили в круг неформального общения, более широкий, чем положено было по служебным обязанностям. Она участвовала в вечеринках, пикниках, полуофициальных раутах, встречаясь с начальством высоким и не очень, бизнесменами, даже политиками, словом, с персонами, имевших в этом полусвете влияние.

Всё это сопровождалось тем, чем и должно. К Рите стали относиться как к фаворитке, но первые же слухи о продвижении через постель болезненно и надолго уязвили её самолюбие. Хотя, может быть это даже и к лучшему, оправдывалась она про себя, – разве солидные мужчины всерьёз интересуются дурами, какими бы соблазнительными они ни были, и каких хоть пруд пруди.

В какой то момент, она решила доказать, что знает себе цену, и стала вдруг неприступной, что едва ли ослабило злорадство, которое ровно также упивалось и противоположностью, распуская языки, что возгордившись, она уж точно высоко не подымится. Да не тут то было. Рита познакомилась со Спириным, лицом, не последним в их организации, мужчиной хотя и в возрасте, но притягательным и интересным. Она не сопротивлялась их роману, и со временем злые языки стали побаиваться её как подругу высокого начальника. Но вскоре она поняла, что попала в зависимость к циничному интригану, ревнивому и властолюбивому.

Когда Спириным сообщил о гибели Сотника с дьявольским хладнокровием, она испытала к нему уже необратимую неприязнь. И очень боялась признаться самой себе, что именно он причастен к этому.

– Этот Визант в своих показаниях тебя не упоминал. Его, скорее всего, освободят. А в ближайшее время перевезут из лагеря сюда, в Москву. И отдадут в лапы спецам из управления собственной безопасности. Там у меня своих ушей нет, – неторопливо говорил Спириным в своём обычном духе, будто сплетая из своих слов липкую паутину.

– Визант мой бывший коллега, с ним я давно не имею отношений.

Рита выскользнула из-под одеяла, накинув пеньюар, чтобы его жадный взгляд не смущал её. У Спирина была обычная тактика ловкача – убажить, усыпить бдительность, напугать, и в секунду растерянности вонзить свою ядовитую фразу.

Но у Риты имелись свои многочисленные уловки. Сейчас она демонстрировала гладкие белесые ноги, обнажённые чуть выше колена. Когда в утренней мужской истоме зарождается свежий прилив желания, вид ног, самой неотразимой части тела, лишённой резкости натурализма, рассеивает самые важные мысли.

Перед зеркалом трюмо она как бы критически рассматривала свою внешность. Спирина это не отвлекло от его мыслей.

– Поскольку новый суд ему не светит, то нет смысла что-то утаивать.

– И кому тогда грозит суд на этот раз? – как бы легкомысленно поинтересовалась Рита.

– Вот этого я пока не знаю, – рассудил Спирин.

– Я всего-навсего клерк, с привлекательной внешностью, – тонким сладким голосом прошептала Рита, присев снова на кровать с протянутым бокалом вина для него.

– Известно, что ты была причастна к той операции, который проводил Визант. Они узнают, что ты передавала ему сведения от Сотника. Под их напором ты точно не устоишь, – более мерзких слов она от него не слыхала.

– Предположим... Но тебе то чего бояться? Ты осуществлял общее руководство, и подробностей знать не обязан, – всё тем же легкомысленным голосом произносила она, сгорая внутри от ненависти к нему.

– Я и действительно не знал, – он пристально заглянул ей в глаза. – Хотя и несу ответственность за промахи своих людей.

– Не обязательно мне напоминать, что с начальством шутки плохи, – серьёзно резюмировала она, и сейчас её внутренний и внешний голоса совпали.

Рита превосходно управляла эмоциями, какие то из них таила в архивах своего сознания, и по здравому смыслу могла легко возобновить и обдумать их целесообразность.

– Твоя ошибка только в том, что ты делишь со мной постель, – хладнокровно пошутил Спирин, потому что по настоящему вряд ли мог чему-нибудь радоваться.

По крайней мере, за ним это не замечалось.

– Директор терпит меня из-за того, что у меня самая солидная агентурная сеть. По этой же причине мне не доверяет.

– Я бы предпочла, как можно меньше знать обо всём, учитывая сложившиеся обстоятельства, – она по детски прикрыла уши.

– У меня сильные враги в ведомстве. И за мои недочёты меня съедят в мгновение ока. Сваливать нужно всё на Византа и Сотника.

– Ну, а я то как на это повлияю? – с наивностью воскликнула она.

– Отрицай с ними связь. Играй роль, будто тебя оговаривают. Первый тебя не сдаст, из чувства гордости, а второй – просто мёртв.

– Ты меня утешил. Я даже понижения не переживу, придётся уходить из конторы, – со смирением проговорила она.

– Не торопись. Дело найдётся. Был бы надёжный человек.

Если бы он только знал, как она хотела избавиться от него, когда его крепнущие притяжения превращали его в настоящего паука. Она спит с душегубом и одновременно вспоминает Сотника, с жалостью и угрызениями совести.

Но тогда её унесло бы как щепку в бурной реке, и во власть ей уже никогда не вернуться. А власть это рулетка, где честолюбивые устремления не обязательно притягивают расположение судьбы. Поэтому, именно властолюбие единило её со Спириным, вопреки остальным противоречивым чувствам.

Глава 4

Ещё одна неожиданная тайна

Один из соседей передал Византу просьбу тюремного православного настоятеля встретиться с ним, разумеется, если он того пожелает. Александр был равнодушен к религии, даже провальная операция с жертвами и последующий срок не заставили его искать утешения в вере. Но гибель Сотника и ультиматум «Арнольда», казалось, загнали его в безвыходную ловушку, его гордость сникла, и в этой просьбе он увидел надежду на поддержку, которой всегда здесь не хватало, а сейчас в особенности.

Отец Сергей, бывший заключённый, принял сан и стал отправлять культ в лагере, не пожелавший по каким то причинам возвращаться в европейскую часть страны. На территории лагеря была выстроена часовня с достаточным пространством для богослужения. Сам святой отец жил в десятке верст в деревеньке из нескольких дворов. Хотя поговаривали, что преимущественно он ведёт образ жизни скитника, скрываясь от озлобленных нравов в охотничьих избах. Из транспорта он предпочитал мотоцикл летом, а зимой – лыжный скутер.

Когда не было молебна, тюремный храм по большей части пустовал. Особой охоты к исповеди невольники не имели, скорее всего, из-за неверия в соблюдение тайны, или, от нежелания откровенничать вообще. Хотя, батюшка, всё же пользовался их уважением, и слухи о том, что он занимался доносительством, резко пресекались, по крайней мере, со стороны авторитетных заключённых.

Когда-то отца Сергея, в миру, Феликса Отиса, прибалтийца, приговорили к смертной казни после падения советского режима. За соучастие в хищении бриллиантов с добывающих алмазных предприятий в особо крупных размерах. К счастью, наступили либеральные времена, смертные приговоры не приводили в исполнение, казнь заменили пятнадцатилетним сроком, который лет десять тому назад истёк. Поговаривали, что он самый надёжный хранитель тайн, но только для тех, кому он сам доверял, заодно и распорядитель «общака» от того воровского предприятия, из-за которого пострадал.

Византа здесь уже ждали, – служка, молодцеватый «зэк», не заговаривая с ним, указал на дверь. Гость очутился в просторном тамбуре, постучавшись во вторую дверь, он вошёл на отклик уверенного размеренного голоса. Убранство комнаты состояло из шкафа, дивана, деревянного стола и лавок с обеих сторон, в бревенчатой стене были врезаны иконы, сделанные под старину. Почивальня и исповедальня для важных персон, подумалось Александру, поскольку небольшой зал для остальных примыкал к этому простому, но уютному обиталищу.

Перед ним стоял упитанный человек, выше среднего роста, в рясе, с окладистой короткой бородой, на вид лет шестидесяти семидесяти, с вытянутым лицом и серым взглядом, спокойным и внимательным. Он предложил место за столом и велеречиво предупредил, что ни одно слово не должно просочиться из этой ризницы.

– Вы чуть ли не единственный здесь, кто не посещал приход. Хотя, это ваше дело. Вас в ближайшее время отпустят на свободу, – произнёс он на растяжку, уверенным басистым голосом, как говорят те, кто не сомневается в своих словах.

– Мне уже это говорили. После чего и случилось несчастье с Сотником. Эти обещания звучат зловеще, – без энтузиазма ответил Визант, преодолевая некую магическую скованность перед священником, абсолютно не похожего на бывшего преступника.

– Близкие мне люди будут незаметно оберегать вас.

– Что вас так заставляет беспокоиться обо мне? – недоверчиво спросил Александр, по началу ступевавшись.

– А почему мной не могут двигать просто гуманные соображения? – бархатным и умасленным голосом парировал отец Сергей. – К тому же у меня есть дело, в котором вы могли бы посодействовать, окажись вы в столице.

Визант был дезориентирован таким резким поворотом. Неужели и священник во всей этой игре?

– Если ваше дело связано с Сотником и новым следствием, то я вам не помощник, – отрезал Визант, скрывая под горячностью удивление и даже любопытство.

– С этим делом это никак не связано, – не изменяя тона, ответил настоятель. – Оно меня касается лишь в той мере, в какой зависит ваша судьба.

– Хорошо, чем могу служить? – поддался на загадочное и льстивое предложение Александр.

– Сперва, дайте клятву, что разговор навсегда останется между нами.

Теперь то Александр ощутил властный характер благоговейного перед гуманизмом батюшки.

– Я даю слово, – после паузы, громогласно отчеканил он. – Но при условии, что ваша тайна не касается подготовки к преступлению.

– Мои секреты касаются уже совершённого преступления, за которое я заплатил лучшими годами своей жизни.

Отец Сергей некоторое время размышлял, глядя перед собой.

– Что вами двигает во всей этой истории, я имею в виду дело Сотника – служебная честь или опасение за свою жизнь? – он поднял на него испытывающий взгляд.

После недоумевающей паузы Визант самолюбиво ответил:

– Справедливость. Я не могу носить в себе тайну не отмщенного злодеяния, это меня заводит. Возможно, это и есть моя профессиональная честь.

– Меня вполне устраивает ваш ответ. Моё преступление наказано, и теперь я имею право воспользоваться вознаграждением, – обещающе заметил собеседник, с которого стал сходить благообразно назидательный тон.

Александр испытывал непреодолимое любопытство, превратившись в само внимание.

– Я должен вас проверить, прежде чем продолжу, – добавил Отис уже командным тоном.

Он попросил его встать, провёл по поверхности одежды сканером, несколько задев самолюбия Византа, бросившего пару дерзких реплик по этому поводу.

– На большой земле у меня хранится целое состояние. Осталось от моего далеко не божьего промысла, – казалось, отец Сергей, хотел было перекреститься, но его удержал тон светской беседы. – Возможно, я им никогда не воспользуюсь, а если и доведётся надобность, то только частичная. Я вполне готов дожить здесь свой век. Но в столице у меня есть дочь, она только в начале своего жизненного пути. Она едва родилась, как я угодил в тюрьму. Она ничего не знает о сокровище, но даже когда и узнает, не сможет им распорядиться.

Собеседник смотрел прямо в глаза, но Визант не дрогнул, приняв лукавое выражение.

– Вы хотите, чтобы я взял под опеку вашу дочь? – намеренно несуразный вопрос задал Визант, но ведь и предложение собеседника выглядело если не наивно, то уж точно подозрительно.

– Не совсем так. Я давно ищу человека, которому мог бы доверить трату своего состояния. Разумеется, не без оплаты.

– Почему выбрали именно меня?

Александр уже не мог скрыть изумление. Не преследовал ли его какой то рок, раз все так стремились доверить ему свои тайны. Или он попал в центр заговора, притягиваясь тем, что уже имел некую важную тайну. Прах к праху...

– Не знаю, – собеседник опустил свой царственный взгляд. – Вы вызываете доверие, – добавил он, как показалось смущённо.

– У вас должны быть враги, – атаковал Александр, пользуясь замешательством священника.

– Разумеется. Охотники до моего добра. Одному мне не совладать с ними, – признался отец Сергей без тени жалобы. – Глупо это скрывать.

Александр не стал озвучивать очевидную догадку, что сидевший перед ним мошенник, облачённый в рясу, до сих пор опасался человеческого суда, видимо, нагрев, как следует своих сообщников.

– Они не имеют отношения к моим богатствам. А если они выведут тайну, то просто отберут всё. Но им неведом путь к сокровищу. Поэтому, пока, господь миловал меня от несчастья. Уязвимое место для меня – моя дочь. При определённых обстоятельствах, я могу приехать в столицу и воспользоваться богатством, – Феликс Отис перекрестился мелким жестом, так, когда молятся про себя.

Если бы охотники, соображал Александр, могли отыскать его богатство без его непосредственного участия, то, что им мешало это сделать, кроме недоступных секретов? Значит, они действительно были им недоступны. Но почему бы им ни выкрасть его и не развязать язык?

– Ваши сокровища в металлах и бриллиантах? – осведомился Визант.

– Разумеется. Давно нет той страны, в чьих банкнотах я мог держать капитал. Драгоценности, вот в чём я его храню. Можно продавать понемногу, чтобы не навлекать внимание, и хватит не на одну безбедную жизнь, – с лукавством дельца пояснял Отис.

– Искушаете? Не очень то сочетается с вашим саном, – позволил себе дерзость Визант, чтобы расшевелить этого афериста под рясой, вывести его на откровенность, пусть и на раздражение, лишь бы разгадать возможные уловки.

– Вы вправе отказаться. Я не уверен, что менее опасно искушать кого-то другого. А что касается сана, то перед божьим судом я не боюсь предстать, а уж перед человеческим тем более. Пусть бога остерегаются те, кто вершит свой суд.

На эту кудрявую отповедь Александр смог только задать очевидный вопрос:

– И кто же те люди, которые охотятся за вашим состоянием?

Феликс Отис некоторое время сосредоточенно размышлял.

– Высокий милицейский чин. И его прислужники, шавки из охранного бизнеса, связанные с криминальным миром. Ни меня, ни мою дочь, не тронули до сих пор, думаю, именно из-за этого начальника. Из всех он самый информированный и ревностно чтит свою репутацию, потому как с того момента высоко поднялся. Однако времена меняются, а куш стоит риска, – отчеканивал Отис, свербя пронзительным взглядом собеседника.

Сказанное насторожило, а ещё сильнее заинтриговало Александра, похоже, в будущую афёру он втягивался основательно. Но он не подавал вида, что размер сокровищ его беспокоит, что было правдой, ибо подобное любопытство, – первый шаг к алчности.

– И о каком лице идёт речь, если это не секрет?

– Не секрет. О Юдине, заместителе министра внутренних дел.

Лицо Византа выразило немое изумление.

– Если вы соглашаетесь, то мы продолжим разговор, – деловым тоном добавил священник.

Растерянный Александр совсем не готов был дать ответ в сию же секунду. Юдин мог быть причастен к последним событиям, как человек, связанный с тёмной фигурой Спирина, но он не был чист на руку и в прошлом. Это совпадение хитрый Феликс Отис и хотел использовать как главный крючок для Византа. Теперь, всё ясно.

И всё же, искать наживы и совмещать государеву службу – дело совершенно губительное, как считал для себя Александр, несколько не разочаровавшийся в своём выборе и действительно готовый беззаветно отдать себя Отечеству, хотя никогда не декламировал своего патриотизма.

– Моя дочь мечтает стать актрисой. Учится в театральном училище и уже сейчас занята в спектаклях, – просящим тоном возобновил разговор священник, как бы отвечая на колебания собеседника, не сказавшего «нет», но по всему видно, не очень то этого и желавший. – Трудно мне судить о мере её таланта. Но ведь искусство тот же дьявол, влечёт одержимостью, а потом сбрасывает неудачников, как отработанный материал. Я даже не знаю её характера, насколько она сильна и проворна в этом деле. Успех не всегда сопутствует таланту. А я для неё существо с другой планеты. Может даже она боится обнаружить ко мне положительные чувства.

Визант заподозрил в священнике ещё и деспота, рядившегося в сладкозвучные речи. Другой бы отец, не видевший стольких лет своего ребёнка, лишённый шанса наблюдать его взросление, когда, наверное, и созревает настоящая любовь к детям, без всякой ревности ждал бы встречи с ней. Трудно упрекнуть родителей в озабоченности к своим чадам, духом сросшихся с ними. Хотя без знания человека, настоящая любовь к нему невозможна. Значит, не совсем исцелился батюшка, если ревнует к выбору ребёнка, которого не видел почти всю жизнь. Религиозность – не является ли она сонмом для последующей реинкарнации забытых страстей?

– То есть вы всё же хотели, чтобы я опекал вашу дочь? В смысле выбора её жизненного пути? – недоверчиво спросил Визант.

– Мне бы достаточно было узнать ваше мнение на счёт её способностей. Не помешало бы мнение и остальных, близких, знакомых. Впрочем, я не настаиваю на этом.

– Я не берусь судить о чужих талантах, тем более в том, в чём не понимаю, – заносчиво начал объяснять Александр. – Пока человек не реализовался, никто не знает, чего он может достичь. Уличать человека в посредственности – безосновательное оскорбление. Так же как и восхваление может повредить не меньше. Если человеку чего-то не дано, пусть он дойдёт до этого сам.

Александрю вспомнилась Рита Вагнер, учившаяся на актрису, но сделавшую карьеру совсем в другой области, где лицемерие и лицедейство точно играли не последнюю роль. Аналогия с актрисой подняла всю горечь досады от неудачной увлечённости Ритой. С другой же стороны, у него появлялся лишний шанс исцелиться новой страстью. Жёсткие обстоятельства ничуть не анестезировали страданий ревности.

Нельзя сказать, что он жаждал мести или отдушины в похожей ситуации, которая могла бы сложиться с дочерью этого двуличного типа. Александр осознал, что его влекли такого рода женщины, непостоянные, искавшие успеха. Пусть он и обжётся, но им овладела противоречивое предчувствие страсти, то ли забытой, то ли зарождавшейся. Его воображение рисовало в неясных чертах образ незнакомки. Он даже внимательнее всмотрелся в собеседника, пытаясь уловить притягательные черты.

– У вас есть хотя бы шанс отвадить от неё нежелательных лиц, – изрёк настоятель после некоторой паузы. – Я готов уступить вам одну треть.

Александр никак не выразил заинтересованности, но отец Сергей упорствовал, хотя и не впадал в отчаяние.

– Я вас не покупаю. Просто не могу доверяться тем, кто слишком жаден до денег, – настойчиво уверял Отис.

Визант размяк от утомления настолько, что ему, было, казалось, всё равно – отказаться или принять предложение. Может, эта натопленная, почти удушливая ризница имела на него какое то магическое действие.

– Хочу добавить, что ваши враги и мои – одни и те же люди. Это даёт вам надежду на спасение, хотя одновременно и расставляет много ловушек.

От этого последнего вывода Визант встрепенулся.

– Именно, – поучительно воскликнул отец Сергей, как бы прочтя мысли собеседника. – Не знаю, что вам внушал эта накачанная гнида «Арнольд», но он сотрудничает с лагерным начальником. А тот, тоже продажная свинья, даст полный отчёт вашим доброжелателям, то

есть заказчикам убийства Сотника. Обо мне так и говорить нечего, с самого первого дня здесь я под пристальным наблюдением начальства и его шестёрки. Кому надо, непременно решат, что я передал вам тайну богатства. А это залог вашего освобождения. Они ведь будут думать, что вы приведёте их к сокровищам. Вы им нужны.

Теперь то Александр не столько укрепился в доверии к Феликсу Отису, сколько соблазнился его прозорливостью и смекалкой.

– Я соглашусь при том условии, что смогу выйти из нашего договора, – отрезал Визант. Феликс Отис не долго думал.

– Тогда я жалуя вам ежегодную ренту, за выполнение договорённостей. Помимо комиссионных.

– Не торопитесь меня умаслить, – раздражённо изрёк Александр, но увидев покорный взгляд батюшки добавил мягче, будто бы уже согласившись, хотя к продолжению разговора его побуждала всё та же любознательность сыщика. – Я не берусь за что-то, пока не почувствую морального интереса, и не выясню всех обстоятельств дела.

– Хорошо. Я готов поделиться с вами некоторыми сведениями, – воскликнул разгорячённый от эмоций Отис, до этого не терявший хладнокровия.

Хранитель тайны приоткрыл над ней завесу в некоторых деталях.

Действенность слов Отиса проявилась сразу же, – главарь «Арнольд» и его нукеры не липли более к Александру, будто и не было предыдущего ультиматума. Впрочем, Визант решил, что осведомлённый батюшка приписал удачным обстоятельствам своё влияние. Скорее всего, начальство из ФСБ предупредило лагерную администрацию, чтобы с их человека не упал и волосок. «Арнольд», которому осталось два года в отсидке, сам признался, что спецслужба мстит за убийство своих агентов, и вряд ли стал бы проверять это правило на себе. За гибель Сотника ответил «писарь», которому добавили три года за причинение смерти по неосторожности.

Глава 5

Освобождение

В очередной раз, в серой глухой камере для допроса в Лефортово, уже пропитанной эхом его повторяющимися до бесконечности показаниями, его ожидали вьезшиеся в печёнку два следователя, из управления собственной безопасности. Выглядели они сегодня как-то заносчиво, видимо, из-за того, что откопали нечто свежее, и снова готовые запустить истязающую вереницу вопросов.

– Чем будете заниматься, когда выйдете на свободу? – неожиданно спросил один из них.

При трепетном и опасливом ожидании свободы, вопрос поразил Византа, в какой то момент он не мог опомниться, похоже было на очередную издёвку. Но следователь не шутил, взгляд его был спокоен.

– Подамся в частный сыск, – брякнул Александр, сам ещё, всерьёз не помышляя о том, что будет делать на недостижимой свободе.

– Начальство готово вернуть вас на службу.

– Мне ставят какие то условия? – апатично заметил Визант, считая, что его дразнят, доводят до отчаяния, чтобы он согласился на любую цену за освобождение.

– Нет... Вас выпустят в любом случае. Хотя, как вы знаете, отставных агентов спецслужб не бывает. Надеюсь, когда освободитесь, вы не откажете в услугах своему Отечеству? – звучал металлический голос.

Следователь не стал дожидаться его ответа, после этих слов покинул обескураженного заключённого.

С этого момента его подвергли тестам и собеседованиям с психоаналитиками. Через два дня его привели всё в ту же камеру, чтобы объявить результаты его психологических мытарств.

Его первый психологический портрет составлялся, когда он нанимался на эту работу, теперь они выясняли, что изменилось в его характере, не будет ли это помехой в его обновлённом амплуа. Предложили ему работу агента по особым поручениям, не открывая пока, в чём именно она состоит, предупредив только, что она не менее опасна, чем предыдущая. И не всегда ведомство может прийти ему на помощь. Похоже, это и было условием его освобождения, хотя Визант и не думал отказываться. Всё напоминало дурной сон о Джеймсе Бонде, в чью кожу его пытались засунуть.

– Мы выяснили, что вы не страдаете от озлобленности, – с такого резюме начал следователь. – У вас нет подавленности и неверия в законность. Качество достаточно редкое, то, что нам подходит. И всё же есть потери. У вас почти исчезло доверие к людям. А те, с кем вам придётся работать – команда профессионалов, которые одновременно являются и идеалистами, и прагматиками. Иногда задачу можно будет выполнить, только положившись на соратников. На вашей новой службе нужно быть готовым к самопожертвованию. У вас был неудачный опыт. Тех, кого вы считали друзьями, предали вас. Но в новом статусе вас могут предавать чаще. Однако снискать чью то дружбу, бывает сложнее, чем проявить отвагу. Вы – сильная индивидуальность, одинокий волк, как и многие из нас, но нужно быть частью сообщества, системы, если угодно, несмотря на цинизм и измены.

После этого банального резюме произнёсённого в столь менторском духе, следователь сделал паузу, переглянувшись с напарником, а затем продолжил.

– Мы знаем, что вы превосходно владеете французским языком, хуже английским. Почему не изъявили желания работать за границей?

Вопрос показался Византу странным, поскольку они отлично должны были знать ответ, если подробно изучали его досье. Он поднял уставшие недоумевающие глаза на допросчика.

– Я был уверен, что здесь я был бы полезнее, – медленно проговорил он.

– А теперь вам предстоят командировки за границу, – резюмировал собеседник хладнокровно.

Офицер сделал паузу, расстегнул кожаную папку и протянул Византу лист в прозрачном файле. Плотная гербовая бумага.

– Это постановление президента о помиловании. С этой минуты вы свободны. Недели две можете отдохнуть. Вам будут платить пособие. Не живите там, где вас легко найдут знакомые или родственники. Ещё вам предстоит подписать новый служебный контракт.

Один из богатейших людей страны, Виталий Лаврецкий вкрадчиво пытался примерить политический макинтош. Некоторые из его предшественников, оспаривавшие право у политической власти влиять на судьбы страны, давно осели за рубежом, а один, самый дерзкий из них, отсиживал длительный срок.

Но Лаврецкого, насытившегося деньгами, овладела страсть к политическому влиянию, его не пугали поражения, изгнание или даже тюрьма. Войти каким то образом в историю, куда интереснее проживания своих капиталов. Благотворительность, на которую он успел изрядно потратиться, давала скромную известность филантропа. Его честолюбию, это как глоток воды жаждущему.

Власть терпела только лояльных олигархов, к числу которых принадлежал и Лаврецкий. Однако он или недостаточно проявлял преданность власти, или у него завелись очень влиятельные враги, решившие отнять бизнес.

Понимая, что тягаться с заказчиком на самом верху бессмысленно, он продал большую часть прибыльных активов. Его барыши оказались не удел, а спокойно проживать их в тёплых краях было не в его характере, который требовал компенсации. Способ он видел один – формировать независимую от государства идеологию.

Прямое политическое влияние исключалось примером безжалостной расправы над магнатом Ходорковским, после чего спонсировать можно было только партию власти, да и то, нужно было стать в очередь, из-за того, что она итак была перекормлена. Однако, многих, даже среди правящей элиты, это не устраивало, поскольку государство, несмотря на свою пугающую мощь, как огромную эскадру несло на отмель, из-за слеповатого самодовольства её капитанов. Впрочем, многие язвительные умы отмечали, что огромная великая Россия давно села на мель, и вытащить её из болота для далёкого плавания – занятие бесполезное.

Предлагать общественному сознанию альтернативную идеологию также было проблематично, поскольку телевидение контролировалось государством.

Но Лаврецкий не опускал руки и нашёл выход. Он стал скупать киностудии в стране и за границей, надеясь снимать фильмы в пику официальному искусству, в планах было и создание независимого телевидения, вещавшего из зарубежья.

Однако пока это относилось к дальней перспективе. Сейчас его беспокоили слухи о подготовке новой атаки на него со стороны властей, которые, как правило, подтверждались. Возможно, его предупреждали, чтобы он исчез из страны, отводя ему время для этого. Он имел связи с чиновниками из правительства и даже из президентской администрации, но с какого то момента они отвернулись от него как по команде. Сейчас контакт остался только со Спириным, да и то через связных, и только потому, что спецслужба пыталась контролировать крупный бизнес как и многие важные сферы жизни. Посредник же, это почти всегда испорченный телефон, или подвох, а возможно и признак опалы. Поэтому Лаврецкий не особенно полагался на Спирина, подозревал его в двойной игре, но тот оставался единственным источником информации из высших кругов. В ближайшие дни Лаврецкому предстояла встреча с доверенным лицом этого тайного манипулятора.

Сегодня, на явочной квартире, Николай Спириин выглядел без тени намёка на интимные отношения с Ритой.

– У меня к тебе ответственное поручение, – начал он, когда они сели друг против друга у столешницы. – Послезавтра тебе предстоит встреча с Лаврецким.

Рита вскинула бровями над своими очаровательными крупными глазами.

– Секретные сведения? – озабоченно спросила она.

– Нет. Расслабься, дело не представляет служебной тайны. Просто слухи. Хотя от них может зависеть многое.

Спириин выдержал паузу, собираясь с мыслями, но выражение его было таким, будто он её гипнотизировал.

– У тебя будет частная встреча, ты подбросишь информацию, которая рано или поздно просочится в прессу. Лаврецкий в любом случае всё узнает. Но сейчас, мне нужна его реакция, до того как он что-то предпримет. Одним словом, ты зондируешь почву, от этого будет зависеть и тактика власти в отношении его.

– Почему именно я? – тихо спросила Рита.

Спириин пристально смотрел на неё.

– Ты, лучшая кандидатура. У меня есть, конечно, и другие. Но у них нет твоего обаяния и ума. Ты выведешь мужчин на откровенность. Тем более что Лаврецкий в настоящее время холостяк.

– Ах, вот оно что? – воскликнула Рита. – Ты даешь мне лицензию на то, чтобы я с ним переспала? – оскорблённо добавила она.

– Разве я способен этого требовать? – воскликнул Спириин насмешливо и высокомерно. – По-моему, ты недооцениваешь наши отношения. Эти слова меня ранят. Твой шарм неотразимо действует на противника, а с другой стороны я же не могу посадить тебя в клетку. Ты вольная птица, этим мне и интересна. У меня недоверие к женщинам, которые принадлежат кому-то, пусть даже и мне. Я не хочу быть связанным ревностью, – резюмировал он спокойно.

– В любом случае, я не собираюсь с ним спать, – отрезала Рита, не понимая до конца, где издёвка в словах Спирина, а где искренность.

– Мне приятно это слышать... Но тебе не придётся с ним даже флиртовать...

– Будто он не понимает, что мы будем его интриговать.

– В политике всё интриги. Рита, это то задание, о котором многие могут только мечтать, – загадочно изрёк Спириин, будто бы хотел даже подмигнуть.

– Ну, хорошо, – воскликнула Рита, ощутив прилив тщеславия, в котором на время утонуло её раздражение. – О чём пойдёт речь? – деловито спросила она.

Лимузин Лаврецкого доставил её в роскошный подмосковный особняк. Дворецкий в униформе, чуть старше среднего возраста, с прямой осанкой, провёл её в просторный зал, меблированный в духе модерна, с равномерным мягким освещением, с многочисленными диванами, креслами и встроенными шкафами.

Вошёл мужчина средних лет, подтянутый, выше среднего роста, аккуратно стриженный брюнет, с острыми чертами лица, прищуренным тёмным взглядом, в расстёгнутом пиджаке, без галстука. До сих пор она видела его только по телевизору и на снимках печатной прессы.

– На вас готовят атаку, бескомпромиссную, на поражение, – как приговор произнесла Рита, когда Лаврецкий занял место напротив, у журнального стола.

– Пока только вы меня атакуете, – снисходительно ответил собеседник своим мягким голосом.

Её красота, категоричный тон и строгий вид, из-за делового брючного костюма льняного цвета, держали Лаврецкого на дистанции, он избегал вульгарно жадного взгляда.

– Моё дело предупредить. У власти нет желания расправляться с вами, или ещё с кем бы то ни было. Но ваша тайная оппозиционность её раздражает, – высказалась Рита самоуверенно, но с привкусом благосклонности, надеясь на компромисс.

– Понимаю... Я не первый, кто попадает в опалу. Я всегда к этому готовился. Но экономическая элита не может стоять в стороне от политической жизни. Это бессмыслица. Времена государственной монополии на все сферы жизни прошли. Кроме извечной русской гордыни оттого, что получаешь безраздельную власть, или думаешь, что получаешь, ничего в действиях политбюро нет.

Ответ показался Рите грубым и не разумным.

– Вы что, всерьёз? Хотя, может быть вы и правы. Но она, власть, настроена жёстко, и никакие очередные скандалы, потрясающие весь оставшийся мир её не пугают. Ведь прошлые скандалы она выдержала, и от них только окрепла. А что касается гордыни, то в Кремле аналогичным образом думают и про вас. Только они то думают от имени державы, страх перед распадом которой, сильнее, чем перед отсутствием демократии.

– Да, да, расхожая мысль, – ядовито парировал Лаврецкий.

– А нахрапистые попытки либерального прогресса обернулись в ущерб самому прогрессу. Не думайте, что власть позволит кому-то играть самостоятельную роль.

– Я на это и не надеюсь, но идеалы либерализма очень живучи. Не грех их отстаивать, – заметил собеседник сдержанно и твёрдо.

Рита смерила его сожалеющим взглядом, но промолчала, не собираясь так сразу уйти.

– Наша беседа приняла слишком жёсткий тон, – вдруг благожелательно прервал паузу Лаврецкий. – Не мешало бы чем-нибудь её смягчить. Воды, соку, кофе, чаю. Может быть, вина?

– В другой раз, – холодно отказалась Рита. – У вас ведь есть серьезные недруги, которые не прочь выгнать вас из страны, а то и похуже. Не мне вам объяснять, как это делается. Стоит только пустить кровь, и на её запах приплывут акулы. И не потому, что именно вас недолюбливают в Кремле. А просто потому, что у него нет других исполнителей.

– А вы беспощадная женщина. Ваши метафоры и аллегории меня поражают. Хотя, это тоже старая сказка – про хорошего царя и плохих бояр. Может, намекнёте ещё на кого-нибудь.

– Если бы даже я и знала, я бы не сделала и намёка здесь, где стены имеют уши. Моя служба не любит огласки. По моему, я достаточно вам наговорила, – как-то неожиданно равнодушно произнесла она.

– Вашей службой не запрещено отобедать со мной в каком-нибудь уютном ресторане, – подхватил её намёк Лаврецкий на то, что официально предупредительный тон встречи закончен.

– Тогда я буду выбирать сама, наугад, по ресторанному справочнику, – отвечала она, прямо смотря своим обворожительным взглядом на него.

Рита не имела указаний от босса опасаться записи разговора. Она сама приняла решение относительно самой пикантной части этой встречи. Попади запись в прессу, и отвечать пришлось бы ей, а не Спирину. Так, видимо и было им задумано – подбросить Лаврецкому информацию или, скорее, дезинформацию, которую сам же Спирин не прочь слить в прессу, а потом откреститься от причастности к этой утечке. Спецслужба пускала дымовую завесу, а затем наносила удар.

В пустующем в эти дневные часы ресторане, они продолжили разговор в отдельном кабинете, охрана дежурила снаружи, в зале.

– У президентской семьи есть преданное окружение, а ещё и те, кто набивается в таком качестве, – продолжила высказываться Рита, когда они сделали заказ. – Некоторые делают это через интимные отношения. Например, ваш визави, алюминиевый магнат Оспин, сорока однолетний холостяк, подбирается к дочери, которой уже двадцать шестой год. Она закончила МГУ, мечтает о публичной карьере. Известность стоит не дёшево, тем более быстрая извест-

ность. А томиться, полной юных мечтаний, барышне, из самой высокой семьи страны, в неизвестности, просто нелепо. Президент же наложил запрет на всякую гласность относительно своей семьи. Можно только представить отчаяние дочери. Тут или с ума сойдёшь, или взбунтуешься.

Рита изъяснялась без злорадства, не избегая взгляда собеседника, её сияющие глаза не выдавали ревности к персоне из числа политической элиты. Но в них присутствовало лукавство и сопереживание, она будто отстранялась от чужих приоткрытых тайн, и в тоже время ощущала в них себя.

– Не думаю, что эти сведения мне понадобятся, – пренебрежительно заметил на это Лаврецкий, маска вежливости и иронии сошла с него.

– Родственность между сильными мира сего не теряет актуальности.

– Логично.

– У президентской семьи, а также у ближнего окружения много дочерей на выданье, – Рита гнула свою линию, смотря собеседнику в глаза. – Родственность с ними даёт гарантию безопасности.

– Вы упрямо хотите меня сосватать?

– Если вы этого сами захотите, – пожала плечами Рита.

– Вообще то, я могу позволить себе свободу, в том числе и в интимных связях.

Подали заказанное блюдо из фаршированной форели, испробовав его, Рита поощрила собеседника восторженным взглядом.

– Что вас удерживает в этой организации? – контратаковал Лаврецкий.

– Я удовлетворена своим нынешним положением, – сдержанно ответила Рита, но её голос выдавал то, что она готовилась к такому вопросу.

Лаврецкий лишь посмотрел на неё с наигранным сожалением. Его несговорчивость, и этот мягкий намёк на предложение, которое давало бы ей невообразимый взлёт в карьере, что-то перевернуло в её душе. Уверенность Лаврецкого сочеталась с отчаянием того, кто слишком много ставит на кон, такой человек нуждается в союзниках, и Рита вдруг остро ощутила, что она упускает шанс.

– Я выскажу вам то, что мне не велено было передавать. Высшая власть, возможно, здесь не причём. Это всё интриги Спирина, и тех, кто за ним может стоять. Мои слова – это его слова. Но на что именно вас провоцируют, я не знаю.

Рита высказывалась взволнованным голосом, глаза её блестели искренностью, – то редкое очарование, которое она не смогла бы сыграть или скрыть.

– Спасибо за то, что предупредили, – с сардонической ухмылкой поблагодарил её Лаврецкий, превратив её озабоченность в шутку, вероятно из-за того, что слова эти не являлись для него открытием, но сама её попытка послушаться своего влиятельного опекуна ради него, что, по крайней мере, выглядело так, оставила сильное впечатление.

Глава 6

Заграничный след

Артур Воленталь, возвратившись в пятничный вечер в свою лондонскую квартиру, обнаружил зашифрованную электронную депешу, где предлагалось провести сеанс связи в одном из Интернет кафе. Будучи агентом ЦРУ, не особо секретные сведения он получал в офисе адвокатской фирмы, вывеске одной из штаб-квартир разведки в Великобритании. Сейчас на связь выходила агентура, о которой не знало его местное начальство. На завтра же, у него было запланировано свидание с Мари, которое следовало бы перенести на пару часов позже, или того хуже – совсем отложить. Подобные засекреченные новости, как правило, надолго изменяли все личные планы.

И всё же, этот сигнал Воленталь воспринял с воодушевлением, надеясь на некоторую тайную и рискованную миссию. За последний год кровь застоялась в его жилах без острых ощущений.

Потомок русских эмигрантов во втором колене, американец по гражданству, здесь, в Королевстве, где проживал последние пять лет, он испытывал некую тоску по привязанности, в том понимании, в котором она существовала у его предков, ревностно хранивших атмосферу традиций, и передавшихся ему с молодых ногтей. Хотя Воленталь только по этим семейным признакам и ощущал свою историческую родину, морально никак не единился с её современностью. Британская же деликатность к частной жизни, их холодная привязанность, изобилующая поверхностной колкостью, являлись для него вакуумной оболочкой, в которой он нёсся в таком же пустынном пространстве, пусть оно и было расцвечено, отполировано и вычурно. Ему нужна была страсть, выходящая за рамки индивидуальной меркантильности, по приятельской откровенности, которой здесь так остерегаются.

Чтобы встряхнуть себя от вяло размеренного отсутствия событий, он заводил любовные романы. Последний из них – француженка, приехавшая из страны законодательницы моды в страну зарождения идей этой моды. Идею, как известно легче предложить, чем реализовать. Там, в Париже она имела бутик и почти не имела известности, и посчитала, что ей необходим свежий глоток воздуха, другие впечатления, в надежде, что здесь откроются долгожданные перспективы. Возможно, именно жажда новизны их и свела.

Мари близило к тридцати, миловидная, но ещё более экстравагантная, неприступная и темпераментная. Познакомился с ней в одном из клубов. До этого уже знал кто она и откуда, и выбор его был не случаен. Угадав в ней тягу к привязанности и свободе, определённую тоску на чужбине, Артур плавно вписался в её круг знакомых. Представился адвокатом, однако квартира в престижном районе, и наличие достаточно свободного времени, что не свойственно преуспевающим клеркам, наводили на него таинственный флёр. Она подозревала в нём собственника, с неплохой рентой.

К тому же Воленталь был галантен, остр на язык, но без обиняков, что совсем не соответствовало её представлению об американцах, кем он представился. Сказалась долгая жизнь в Европе, считала она, находя в таком превращении приятное ощущение.

Одетый в куртку и джинсы, чтобы не очень выделяться среди аудитории, наполнявшей в выходные дни Интернет кафе, он вышел в назначенное время на связь. Зашифрованное послание указывало ему следующее место встречи.

Через полчаса Артур узнал на скамейке в Гайд-парке плотного мужчину в сером плаще и шляпе, лет пятидесяти, с «Таймс» лежавшем рядом, как бы стерегущей место для визитёра. Воленталь присел и развернул ту же газету, что являлось паролем. Через пару секунд, связной назвал Биллом, обменявшись парой слов, они решили пройтись.

– Дело серьёзное, – продолжил незнакомец на классическом английском. – Мы будем оплачивать вам некий частный заказ. Придётся ездить по Европе. Подошлём вам пару сотрудников. Изучите их досье, не удовлетворят – пришлём других. Хотя подходящих людей для будущей миссии, раз два, и обчёлся. В дело будет посвящено ограниченное число лиц. Операция будет проводиться под совместным началом русских, и нами. Не будет хватать людей для сопутствующих заданий, можете нанять кого то из местных пинкертонов. Легенда у вас та же – адвокат, частный сыщик, или коммерсант, это уж как вам будет угодно. Словом, свободный художник.

Связной на секунду прервался.

– Русских, в первую очередь, хотя и нас тоже, интересуют финансовые каналы, через которые их опальная диаспора подпитывает подрывную деятельность против их правительства, как они считают.

Артур косо посмотрел на собеседника. Слово «подрывная» прозвучало несколько насмешливо. Связной ощутил немой вопрос.

– Русские магнаты могут финансировать кавказских мятежников, которые здесь сбились в различные организации, чувствуя себя в безопасности. России всё еще опасаются больше, чем осевших здесь экстремистов. И, тем не менее, мы должны выявлять источники финансирования.

Волянталь отметил про себя очевидное сомнение – ему, с небольшой группой помощников, вряд ли взять даже след в таком деле. Значит, он просто часть некоего разветвлённого шпионского холдинга, цель которого гораздо шире скрытых счетов экстремистов. И дело даже не в остаточном предубеждении против России, как к стране далёкой от реальной демократии, но с имперскими притязаниями. Борьбу за влияние в мире никто не отменял. Российской стороне, вопреки соглашению бороться общими усилиями с терроризмом, не предоставляли соответствующих данных в полной мере. Их подбрасывали отрывочно, чтобы оставлять пространство для манёвра. Возможно, из-за этого российские спецслужбы решили создать некое крупнейшее информационное агентство, но тайное. Западные же власти не собирались мешать, и даже намеревались содействовать, а, следовательно – и контролировать.

– Нам нужны любые сведения об их экономической диаспоре. Какие политические силы и издания финансируются здесь и в России, и так далее. Сведения о счетах, на которых чиновники копят незаконные доходы. Последнее, нам особенно важно.

– Не слишком ли много возлагается на мои скромные возможности? – усомнился Волянталь, пока собеседник переключался на другую мысль.

– Мы и не требуем доставать звёзд с небес. Иногда вы будете действовать по наводке, – признал агент то, что у них у обоих было на уме. – Способ связи пока всё тот же.

Связной закончил разговор на сухой начальственной ноте. Волянталь же не успевал на встречу с Мари, хотя мог её просто перенести на час, пока ещё не поздно, и пока её терпение не исчерпалось. Кавалеру на свидание нельзя опаздывать. Он созвонился с ней и сослался на задержку в неожиданной встрече с клиентом. Чтобы уладить эту заминку, и не выглядеть пренебрежительным или глупым, он купил букет из разных цветов. Дабы выглядеть ещё более экстравагантно в попытке реабилитироваться за оскорбительную оплошность, отправил букет с посылным. Вернулся домой, сменил одеяние спортивного стиля на костюм и пальто.

Волянталь отделался снисходительным упрёком, в котором скорее скрывалось восхищение.

– У меня сегодня знаменательный день, – восторженно заявила Мари, позабыв о его опоздании, когда ей принесли цветы в ресторан. – Я получила заказ от одной известной актрисы.

– Поздравляю, – восторженно произнёс Артур. – И кто же эта актриса?

– Аманда Фоксвилл, – Мари не могла сдержать эмоций. – Да, да, именно она.

– Как тебе это удалось? – Волянталь вопросительно вскинул руку.

– Разве ты забыл, что именно ты предоставил мне список знаменитостей, которым бы следовало отослать образцы?

– Нет, конечно, не забыл, – Артур искренне смутился тем, что она приписывала ему свой успех.

– Ты не ошибся. У тебя прозорливый взгляд, или связи, – вскинув брови, как бы отчитывала она его за лукавство. – Или то и другое.

– Ну, возможно, кое какая информация помогла мне. Я ведь адвокат, и быть осведомлённым – не в последнюю очередь входит в мои обязанности.

Артур дал совет Мари не случайно, хотя и получил неожиданный и не исключено, далеко идущий результат. Известная британская актриса недолюбливала его историческую родину, чьи чувства подогрелись тлеющей войной на Кавказе, жертвовала беженцам, но главное, была идеологическим защитником тех, кто искал убежища в Королевстве от несправедливого российского правосудия. Обнаружив, что его новая честолюбивая знакомая также не лишена русофобии, в тайне решил подыграть ей и подал идею на счёт известной актрисы. Но загодя устроил протекцию через своих знакомых.

Это не мешало ему оставаться поклонником их обоих, и помогло бы собирать сведения о существовании связей Аманды с сепаратистами. Впрочем, до сих пор, никакого сговора её с ними выявить не удалось. Яркая и преуспевающая личность с резким отрицанием ко всему деспотичному, не более того. Однако теперь она могла бы стать мостом к кавказской диаспоре, на что у Воленталья с сегодняшнего дня были чёткие служебные предписания. Богатая, навсегда закрепившаяся на артистическом Олимпе, она могла себе позволить свободу в выборе знакомств. Одним словом, Артур, имея некоторое представление о её характере, знал, что к ней мог набиться в друзья тот, кто ей был просто симпатичен. Она коллекционировала людей, и это увлечение становилось приоткрытой дверью для него, никакого отношения к искусству не имеющего.

Ему не терпелось ринуться на поле боя светской жизни.

– Она одна из моих любимых актрис, – вставил Воленталь, рассеянно держа перед собой меню.

– Между прочим, она пригласила меня на раут. Не возражаешь быть моим спутником? – в унисон его мыслям предложила Мари, не подозревая какую удачу передавала ему в руки.

– Если не возражаешь ты, – со сдержанной радостью ответил он.

В её особняке в районе Челси набралось с полсотни гостей. Когда высокая, элегантная Аманда, в лиловом длинном платье с бриллиантовой брошью, царственно приблизилась к ним, Воленталь представился адвокатом. Она не преминула поинтересоваться, в какой именно фирме он служит, но название пропустила мимо ушей. Тогда она спросила, какие дела он ведёт.

– Дела любого рода, – живо ответил Артур, возбудив в ней любопытство, которое бы вскоре, наверное, перешло в равнодушие из-за такой грубоватой уклончивости, если бы ни его независимая, полная уверенности манера держаться.

– Вот так новость. Насколько мне известно, адвокаты обычно ведут конкретные дела. Я наняла своего первого адвоката, который вёл дело о разводе, – подозрительно и насмешливо произнесла очаровательная Аманда.

– Совершенно верно, мэ. Но я не веду дело в судах, я вхожу в адвокатскую группу. А адвокаты, те же ищейки.

– Вот теперь понимаю, – более благосклонно воскликнула она, подразумевая в собеседнике хитрость. – Вы частный детектив, должно быть. Забыла, как называется ваша фирма?

– Не будете ли так любезны, – Артур протянул ей визитную карточку.

– Хорошо, я наведу справки у своих знакомых. Дела любого рода, говорите? – Аманда, похоже, ещё сильнее заинтересовалась ничем не выдающимся типом, кроме дерзости, загадочности и совсем не адвокатской наружности.

Артур был выше среднего роста, хорошо сложен, осанист, с поседевшими висками, с карими спокойными глазами и вытянутым лицом, мужественным и в то же время располагающим. Скорее он похож был на военного, которого гражданский костюм делал не менее галантным, чем мундир.

– И тайны королевского двора вам подвластны? – играя взглядом, но, оставаясь при этом чуть высокомерной, спросила она.

– Это было бы слишком трудно. Но кое-что, мы всё же умеем, – уверенно и с иронией парировал Воленталь, что не всем удавалось перед этой властной и проницательной женщиной.

– У меня есть друг из России. Вернее с Кавказа. По-моему, у него есть какие-то проблемы. Я могу вам его представить, – предложила она серьёзным тоном, подловив его на обещающем намёке.

– Не тот ли, которого оправдал суд? – спросил Воленталь, задумчиво насупив брови.

– Именно.

– Что же, не откажусь, – ответил он с той готовностью, которую проявляют, когда не могут отказать.

Артур взглянул на Мари, прежде чем последовать за королевой бала. Её лицо выражало удивление и борьбу с досадой из-за каких-то проблем в русской эмиграции.

– Я ненадолго, – мягко проговорил Артур.

Сейчас только Мари узнала, какого рода адвокат, её друг. В утешение она могла тщеславиться тем, что на него обратила особое внимание знаменитость.

Аманда, тем временем, представила Воленталья человеку кавказской внешности, которого в России считали экстремистом, а здесь борцом за свободу, опубликовавшего на Западе книгу о своей борьбе против российского господства на Кавказе. Но на балу он чувствовал себя не в своей тарелке. стакан апельсинового сока, окладистая борода и незнание языка – всё не вписывалось в светскую тональность приёма. Похоже, Фоксвилл, выжав все, что нужно от громкого процесса, где она вышла победителем, заступником угнетённого народа, потеряла интерес к своему жертвенному подопечному, и теперь лишь искала возможности оплатить как-то его уход из своей жизни.

Воленталь как бы играл роль того самого случайного шанса, которым нельзя было не воспользоваться. Командиру мятежников его представили через переводчика, Аманда ввела его в курс дела и оставила их.

– За мной здесь следят, – начал свою растянутую речь бородач по зловеще причудливому имени Зелимхан. – Не уверен, что это местные власти. Я подозреваю русские спецслужбы. Скотленд-ярд не выразил по этому поводу беспокойства. Думаю, им даже выгодно, если меня здесь шлёпнут. Лишний повод ткнуть в Россию пальцем. Моя охрана засекла одного и сделала снимки. Но кто они – выяснить не удалось. Может, вы мне поможете?

Артур выслушал перевод, хотя отлично понял оригинал, но не шевельнул даже и бровью, напоминая совершенно глухого, затем уверенно ответил, после многозначительной секундной паузы:

– Передайте мне снимки, и я постараюсь определить, что за люди вас беспокоят.

Скорее всего, один из людей Воленталья засветился при наблюдении за этим главарём чеченских повстанцев, которое было установлено с пару дней назад. Правда, если бы этого Мерзоева выслеживал ещё кто-то, то задача усложнялась.

Вечер же на редкость удался, особенно для Мари. Аманда кроме всего прочего, представила её британскому продюсеру, и тот изъявил интерес к её коллекции. Прижимистый британец соблазнился отменным качеством при сносной цене, оценив тёмно синий костюм

на Артуре, в сочетании с бежевой рубашкой и лиловым галстуком. К слову сказать, Артур, имевший ещё и жилку коммерсанта, помогал Мари находить выгодных поставщиков текстиля.

На снимках, полученных от Мерзоева, Воленталь узнал своего человека. Теперь нужно было придумать легенду для агентов, не снимая наблюдения. Мятёжник был напуган тем, что за ним не просто следят, а преследуют. Логично было бы подыграть его опасениям.

Воленталь послал зашифрованное сообщение неофициальному боссу Биллу, и через час они уже колесили по Лондону.

– И какую игру ты с ним предлагаешь? – спросил Билл, ведя «Мазду» и не отрывая взгляда от дороги.

– Не плохо бы наладить с ним отношения. Он будет оплачивать мне услуги, можно тогда выяснить с каких счетов. Главное что его интересует – кто заказчик наблюдения и какова цель. Не подбросить ли ему липу, что его и впрямь хотят убрать, пусть даже здесь, в старой доброй Англии?

– И что? Ищи его как ветра в поле, как говорят русские? – поторопился с выводом собеседник.

– Именно оттуда и трудно управлять фондами, через которые финансируются экстремисты. К тому же здесь осели опальные и лояльные русские магнаты. Они не плохо адаптировались, создают хитроумные схемы по отмыванию денег. Мерзоев, финансовый эмиссар терроризма, который ссужается с нелегальных источников. Кто знает, может, они все пользуются одними схемами. Мы убедим его, что на него готовят покушение, он занервничает, а мы загоним его в западню. Он ведь от русских бежит, а у нас будет искать защиты.

– Не плохая идея. Может и надо рискнуть, – ответил босс и обычно его колючий взгляд насмешливо вспыхнул, прикрывая то, что эта мысль не пришла в его голову.

Однако же, представитель Мерзоева не удовлетворился предоставленной ему информацией.

– Это британцы, из сыскного агентства, – заявил Артур.

– Зачем мы частной фирме? – спросил чеченец на внятном английском, хотя и со странным акцентом.

– Может они из спецслужб, а прикрываются частным сыском.

– А вы это определить не сможете?

– Мы многое можем. Но эта задача другой степени сложности, и стоять должна соответственно, – уверенно ответил Воленталь, убедительно выдавая себя за холодного дельца.

– У нас есть сведения, что ваша адвокатская фирма, а, по сути, сыскное агентство, сотрудничает с британской разведкой, – связной повернулся в его сторону, вперив свой недобрый взгляд.

– Ничего не могу сказать по этому поводу, – парировал Воленталь, не пряча своего непроницаемого взгляда. – Я работаю на конкретную фирму, выполняю определённые поручения. В основном, тайные.

– Если вы выполните для нас работу, как нам проверить её качество? – воскликнул нетерпеливый кавказец.

– Мы подскажем, как её проверить, – хладнокровно ответил Артур.

– Я переговорю с боссом. Нужно ещё сойтись в цене, – представитель Мерзоева попросил своего водителя где-нибудь притормозить, чтобы высадить из новенького «Ауди» визитёра.

Цена вряд ли бы их остановила, они осторожничали. То, что они клюнули на наживку, или сделали только вид, даже не означало, что игра стартовала. Но заинтригованный Артур хотел бы поквитаться с теми, на кого потратил определённые усилия. К тому же, из-за этих

экстремистов, следы от которых могли бы привести к чёрту на кулички, ему предстояла, возможно, долгая разлука с Мари, от чего он уже предчувствовал досаду.

Он с самого начала не думал, что их отношения надолго. Артур был эпизодом в её жизни, как и она – в его. Он всегда легко сходился и расходился с женщинами, считая, что и связь с Мари из того же разряда. Но ему уже было за тридцать, он ощутил потребность в постоянстве. Судьба до сих пор была милостива к нему, хотя часто доводилось ходить по острию лезвия. Теперь у него появлялось беспокойство, что судьба рано или поздно потребует расплаты. Не уйти ли ему на покой. Открыть своё сыскное агентство, которое бы собирало улики супружеской измены. Или стать партнёром Мари по бизнесу, поскольку свою хватку он уже с успехом проявил.

Пока же он был связан обязательствами своей нынешней службы, а мечты о будущем пагубно расслабляли.

В ближайший выходной он как обычно встретился с Мари.

– Продюсер решил заключить со мной сделку на пошив одежды для телесериала, – делилась своими нарастающими успехами Мари, поглощая Артура пытливым взглядом, будто спрашивая, когда же он по настоящему ответит ей взаимностью.

– У меня просто нет слов, – Артур хотел выразить восторг, но он повис в воздухе из-за этой дурацкой английской привычки к хладнокровию.

А главное, его тяготило предощущение разлуки, из-за чего он выглядел принуждённо, понуро и лживо, поскольку не мог выразить своих чувств.

– Как дела с этим кавказским изгнанником? – спросила Мари, скрывая своё разочарование.

– Мари, я не могу этого сказать. Это профессиональная тайна...

– Ты скрывал от меня свою настоящую работу. Ты совсем даже не адвокат, а частный детектив. Какие ещё, у тебя откроются секреты, на каком-нибудь очередном светском рауте? – язвительно спросила Мари.

– Больше никаких, уверяю тебя, – Воленталь вернулся шутливый тон.

– Ты ведь умеешь заниматься бизнесом. Редкий дар. Неужели частный сыск интереснее? Или просто прибыльнее?

– Интереснее – возможно. Но не прибыльнее, это уж точно.

– Если мои дела пойдут в гору, мне не обойтись без хорошего менеджера...

На лице Артура мелькнула дежурная улыбка. Мари тут же сделала вид, будто и не было ни упрёка, ни предложения. Она будет продолжать свои вкрадчивые атаки, рассчитывая, что вода камень точит. Надолго ли у неё хватит терпения, думал Артур, перегорит, возненавидит, затем невзлюбит эту ненависть, которая мешает ей жить, да и бросит его. Ну и поделом.

Уже на следующей встрече с подручным Мерзоева, Воленталь передавал свежие сведения, в числе которых имелись снимки новых фигурантов следивших за главарём сепаратистов. Их подослала российская разведка по согласованию с британской спецслужбой, дабы убедить Мерзоева, что на него действительно открыли охоту.

– Те двое британцев исчезли, видимо, поняв, что их обнаружили. В посольствах отказались дать справки об этих двоих русских. Отговорились тем, что подобные данные дают по запросу органов, и то, когда есть основания. Мы имеем связи в полиции, но не оказалось достаточных оснований. Эти люди также растворились после нашего запроса. Мы использовали другие каналы. Выяснилось, что один из них, тот, который помечен красным крестиком, офицер войск особого назначения, ГРУ называется. Снайпер. Послужной список солидный. В последнее время, работает в какой-то спортивной организации, учит пользоваться оружием, – расплетал свою ложную версию Артур со знанием дела. – Работают профессионально, раз группа засветилась, тут же её и отозвали, – добавил он, ошущая волнение соседа.

Ещё раз, всмотревшись в снимок, посыльный Мерзоева впал в уныние, затем заметил:
– Неужели они пошли бы на убийство, здесь в Англии? Это ведь международный скандал. Кто бы поверил, что это дело рук бандитов, а не спецслужб?

– Трудно сказать. Из Лубянки подсунули бы стряпню о клановых разборках.

Кавказцу не понравилась речь собеседника, он принял оскорблённый вид.

– И как же нам проверить эту информацию? – неприязненно произнёс он.

– У нас есть адрес и место работы этого человека. По крайней мере, бывшие. А ваш босс наверняка имеет связи с Россией и может это проверить.

Связной выглядел раздосадовано. Вряд ли Мерзоев усомнится, что за ним следят российские спецслужбы, он изначально в это верил и инсценированное наблюдение за ним некоего снайпера из России оправдывает самые жуткие опасения.

– Будут ли у вас, ещё какие пожелания? – спросил Артур, интонацией напоминая ему о вознаграждении.

– Пока нет. По уговору, мы оплачиваем задаток, а всю сумму после того, как проверим информацию, – оживился собеседник и передал тонкий кейс с банкнотами.

Артур поставил подпись на платёжном документе. Экстремисты не всегда действовали тайно, по возможности, вели дела официально, что их и выдавало. Агенты выследили, в какой банк наведывались люди Мерзоева накануне, поскольку нужная сумма была достаточно большой, чтобы хранить её дома. Это уже было кое-что. Осведомители и хакеры могли бы войти в архивы банка и выяснить, с какого счёта была снята соответствующая сумма.

Директор адвокатской фирмы Дэнис Хаксли, официальный начальник Воленталья, согласился на активную игру с Мерзоевым и тут же обещал найти необходимые для этого средства и дополнительный персонал. Даже Воленталь не ожидал такой скорости и масштабности в данном случае, тогда как по другим делам начальство не спешило с затратами. Это лишь один раз подтверждало, что Хаксли не просто связан с британской и американской разведками, но и выполняет услуги за их счёт.

Вскоре Мерзоева обложили как зверя в его логове, самыми современными средствами наблюдения. На окна дома направили лазерные микрофоны и видеокамеры с дистанционным управлением, подключились к телефонной и электронной связи.

Сотрудники вышли на служащих банка, которым пользовались экстремисты, и, пугнув их преследованием спецслужб, получили все нужные данные. Компьютерные спецы, нанятые агентством, отследили дальнейшую денежную цепочку. Объявился целый ряд фирм, подставных, и вероятно, используемых для отмывания средств и спонсирования экстремизма. Впрочем, сам их перечень, ещё ничего не доказывал, система была запутана, и уличить можно было при широком и тщательном расследовании. Такие мероприятия, не под силу, иногда, даже спецслужбе целой страны.

Воленталь снова встретился с Биллом, который с каждым разом, всё меньше походил на обычного секретаря, напоминая начальника средней руки, но с присущей напыщенностью соотечественника.

– Концы ведут в арабские страны, и в Турцию, – делился свежими новостями Билл. – Но обнаружено то, что нас особо заинтересовало. Связь с Россией. И не с мятежниками, что не слишком бы нас удивило. В виде подставных фирм новой волны, за которыми стоят коррумпированные чиновники, как мы подозреваем. Все это, насколько возможно, начальство и хочет выяснить. В ближайшее время, вам предстоит поездки по Европе. Но, сперва, вам нужно подобрать помощников. Здесь биографии и характеристики кандидатов. Русские. Нам нужны их резиденты. Когда сделаете выбор, файлы уничтожьте.

Демонстративным жестом, он передал тонкую папку с флэшкой.

Глава 7

Бриллиантовый след

– Эта вещица может стоить не один десяток тысяч, в американских бумажках, – он протянул на ладони кулон на золотой цепочке с овальным внушительным бриллиантом в золотой же оправе. – Вес в пять карат. Бриллиант наивысшей чистоты. По нашей шкале это 1/1. Имеется сертификат. Правда на Западе другая шкала, и если получить там сертификат, то можно продать до двадцати тысяч за карат. Не находится в розыске.

Пётр Наумов смотрел на него пристально и недоверчиво, всё никак не мог поверить, что хранимое им сокровище можно вообще кому-то передать.

– До сих пор не могу понять, почему он доверился именно мне, – как бы ответил на немой вопрос Александр.

Он был очарован блеском бриллианта, хотя его раздражало, что судьба свела с преступниками. И в этом Петре Наумове презрение смешалось с чувством триумфатора, заполучившего врага в свои ряды.

– Я бы вам, скорее всего и не доверился. Но ценности не мои, а вас рекомендовал мой друг, хотя и он может ошибиться. На этот случай у нас предусмотрена своя система безопасности.

– Да, да, Отис меня об этом предупреждал, – равнодушно пробормотал Александр. – Достанете меня из-под земли, случись чего. Не так ли?

– Вы вряд ли овладеете драгоценностями, даже если очень захотите, – саркастически ответил Наумов.

– Меня пока распирает от любопытства, а не от алчности. Как вы мне отомстите, если я из спецслужбы? Органы, как известно своих в обиду не дают?

– Вы, погонники, всегда рассчитываете на систему, а мы опираемся на человеческие отношения. У нас понятия дружбы имеют организационную силу. Да у нас больше ничего и нет. И зачем вам нужно знать, как мы вас достанем, когда вы не намерены нас надувать? – Наумов говорил на грани пренебрежения, как старый, повидавший на своём веку морской волк с юнгой.

– С чего у вас такая уверенность? – с насмешливой миной выразился Визант.

Наумов промолчал, не отрывая взгляда от Александра.

– Ну, хорошо, и что я теперь должен с этим делать?

– Продайте. Тридцать процентов ваши комиссионные, а остальное – дочери моего друга. Я расскажу, как её найти. Позже, суммы будут увеличиваться, нужно открыть счета в зарубежных банках.

– Это уже тянет на легализацию незаконного дохода, – неприязненно воскликнул Визант. – Почему бы вам самому не продать драгоценности, а я только передам нужную сумму нужному адресату?

Наумов посмотрел на Александра с сомнением и ухмылкой, как бы обесценивая нелепое почитание законности. Визант и сам ощутил натяжку в своей требовательности, хотя и не собиравшись отступать. Ему, судимому, выглядеть законопослушным, только придавало уважения к себе.

– Потому что вы согласились, это раз. Во-вторых, я засвечусь. Враги сразу поймут, что я хранитель сокровищ. Лучше продавать за границей, но легальная перевозка бриллиантов запрещена. Надеюсь, у вас есть каналы как это сделать нелегально. А нет, продавайте здесь – через аукционы, антикварные магазины и так далее, – заключил Наумов язвительно.

– А я не засвечусь? – возмутился Визант.

Наумов усмехнулся, но, скорее благосклонно, нежели издевательски.

– Хотите, чтобы сокровища попали другим, тем, у кого и намёка не будет на угрызения совести? Они берут дань с бизнеса, даже наркомафию прикрывают, и надо значит им уступить бриллианты, которые были взяты у нечестной, бесчеловечной власти? И за которые люди заплатили жизнями, или длинными сроками в лагерях? В казну они не попадут, их украдут другие воры, те, которые в погонах. Уж лучше мы. Хотя, можете отказаться, богатство два раза не предлагают, – сказал он, будто отмахивался от глупого упрямства собеседника. – Мне только лишняя забота, – добавил он с холодной неприязнью.

– Да чёрт с ним, – воскликнул раздражённо Визант. – Я дал слово и нарушать его не привык, – добавил он твёрдо, чтобы не оставить повода напарнику почувствовать превосходство над собой.

Покидал он хранителя сокровищ уверенным, что с этим Наумовым не сойдётся. Тем лучше, они выполнят свои обязательства и разойдутся навсегда. Приятным утешением было то, что в руки само плыло богатство без особых усилий и риска. К тому же он мог отказаться от дела, когда бы почувствовал, что оно пахнет жареным. Бог дал, бог взял. Продажа драгоценностей по частям почти неуязвима с позиций государственного контроля. Мало ли какие семейные реликты, приобретённые несколько десятилетий назад, продаёт тот или иной гражданин. Другое дело, что его могут вычислить охотники за сокровищами, но он и подписался, чтобы защищать их владельцев. Именно это сознание защитника воодушевляло и будило азарт игрока.

Неужели это тот случай, когда всё так складывается удачно, без признаков будущей беды, всё же сомневался Визант. Такая лёгкость и самоуверенность могла бы стать первым шагом в ловушке жёлтого дьявола.

Несомненно, существовал расчёт на то, что Александр очаруется дочерью и станет её заступником. Отвратительная затея, думал Визант, в надежде на то, что он может уподобиться деспотичному подонку, который будет преследовать того, кто зависит от него материально. Думают, что раз он из спецслужб, то ему присущи насильственные поступки.

И зачем ей, начинающей актрисе, агент безопасности? Ей нужен тот, кто продвинет её карьеру. А то, что она имела бы толпы поклонников, его убедил портрет. Со снимка, в дымке ретро стиля, смотрели светло зелёные с поволокой глаза, атласный овал лица оттенялся ровными тёмно русыми волосами, кокетливо завитых у плеч. Приподнятые уголки губ придавали облику лукавое очарование. Эту красоту не успела тронуть тень тщетности честолюбивых устремлений. Но возможно, она уже и не так выглядит, изображение здесь было слишком юным даже для первых шагов на артистическом поприще, где большинство претендентов вечные и бесславные мытари.

И всё же, Александр, ощутил, как сердце его оттаяло от загнанной в глубину ревности к Рите Вагнер, которая к тому же усугублялась от желания потребовать справедливости, или, хотя бы выяснить правду относительно предательства.

Он купил билет на спектакль, с участием молодой актрисы Веры Щербаковой, носившей фамилию матери, в театр на сто мест, с одной стареющей звездой, и с неизвестными, по крайней мере, Александру, актёрами, и якобы, перспективным режиссёром. И хотя буклет имел пёстро глянцево-глянцевый вид, фасад дома, в цокольном помещении которого находился театр, выглядел уныло.

Зато шоу притягало на многое. Оно представляло адаптацию романа «**Чёрный принц**», Айрис Мердок, а Вера, к ещё большему удивлению Александра играла главную женскую роль – юную Джулию, в которую безнадежно влюбился неудачливый стареющий писатель. Визант намеренно познакомился с первоисточником перед спектаклем.

К его неожиданности, постановка не просто поразила его, она стала прелюдией увлечённости, которая за эти три часа выросло в полноценное существо в нём.

Джулия-Вера превзошла его воображение. Её игра вошла в него, будто он был участником действия, почти осязая её. Пышная, подкрашенная в каштановый цвет причёска, тонкий, с приятной хрипотцой голос, грация, в мягких, раскованных движениях. Александр пытался уловить есть ли между партнёром и ей нечто большее, чем игра.

Но спектакль закончился, из транса очарования нужно было выйти, чтобы познакомиться. Избитый способ – букет цветов с запиской, в гримёрную. Записка заранее была отпечатана на компьютере и уложена в красочный конверт. В ней он приглашал её в ресторан неподалёку от театра, не представлялся, но предлагал помощь в артистической карьере. Конверт с цветами был передан билетёршей. Не появившись Вера на этом свидании, Александр связался бы с ней по телефону, сразу же открывая карты.

Могла ли молодая актриса, не без одарённости, отказаться от карьерного посула, думал Александр, ожидая её в ресторане уже около часа, после назначенного времени. Удерживал ревнивый режиссёр? А если у неё не было отбоя от предложений, и она оставалась разборчивой и не отвечала на анонимные обещания.

Уже почти отчаявшись, он узнал её рядом с метрдотелем, указывавшим в его сторону. Гардероб её был скромнен – куртка и джинсы. Александр подал жест. С минуту колеблясь, она сняла верхнюю одежду, оставшись в джинсах, свитере и платке на шее. С удивлённым и одновременно недоверчивым видом подошла к нему.

– Меня зовут Александр, я знакомый вашего отца, – произнёс он, когда она села за стол.

Вера побледнела, молчала.

– Я встретился с вами, чтобы передать от него деньги, – проговорил Александр.

Он продал кулон через антикварный магазин, получив тридцать тысяч, раза в три меньше, чем могли бы дать на западном рынке, или даже здесь, как уверял ювелир, но цена была снижена из-за недостатка времени.

Лицо Веры зарделось, она опустила глаза.

– Надеюсь, вы не откажетесь?

– Вы появились только для этого? – теперь она подняла на него пронзительный мерцающий взгляд.

– С сегодняшнего вечера, похоже, я стал вашим поклонником, – воскликнул он, ощущая, что ей это неожиданное общество неприятно.

– Мне очень лестно, – с сомнением отозвалась она.

Александр выложил на стол конверт и пододвинул ей. Вера взглянула на конверт, потом на собеседника, на какое то мгновение показалось, что она сейчас встанет и уйдёт. Но она взяла конверт, как бы нехотя, только из любопытства, сохраняя ироническую улыбку. Обнаружив внушительную пачку валютных купюр, изумилась.

– Откуда у него такие деньги? – пробормотала она.

– Пусть он сам вам расскажет когда-нибудь. А я время от времени буду передавать вам некоторые суммы. Позже можно будет открыть счета в заграничных банках.

– Он всё еще в колонии поселения? – ей трудно было оставаться равнодушной к своему пропащему отцу из-за этой солидной суммы.

– Да, – ответ Александра звучал с неохотой развивать эту тему.

Она и не стала ничего выпытывать, убрала конверт в сумочку, не собираясь уходить, чтобы не выглядеть невежливо и заказала официанту салат, воду и кофе.

– Вы ищите со мной знакомства, а не просто хотите быть почтальоном, судя по записке и цветам? Хотите контролировать меня по настоянию отца? О чём будем говорить? – язвительно высказалась она.

– Возможно, мои услуги, понадобятся вам, – снисходительно разъяснял Александр, относя её кокетство к желанию выставить дистанцию, и чувству превосходства, смешанному с потребностью опереться на чьё то плечо.

И всё же, он вызвал у неё интерес, отметил Александр.

– А чем вы занимаетесь?

– Частным сыском.

– Вы из мест заключения, раз знакомы с моим отцом?

– Верно.

– За какое же преступление вас упрятали? – недоверчиво допытывалась она.

– Не важно.

– Понятно... Вы из органов. Ведь мой отец тоже бывший милиционер, отсиживался в специализированной колонии, для блюстителей порядка.

– Сударыня, вы слишком легкомысленно говорите о чужих страданиях. Попастъ туда не сложно, для этого не обязательно быть угрозой для общества.

Она некоторое время молчала, взгляд её менялся с недовольного на лукавый.

– И вы не держите зла на мир?

– Меня выпустили досрочно.

– Вот даже как. И вы этим удовлетворены?

– Нет. Есть несправедливость, с которой смириться нельзя. Тогда уж лучше уйти в монастырь. Это точно не по мне. Я предпочитаю нечто другое, – Александр принял язвительный тон.

– Значит, будете мстить?

– Нет, просто постараюсь получать удовольствие от жизни. В том числе, защищая других от несправедливости.

– Не перестарайтесь.

– Обещаю. Когда что-то делаешь для других, меньше допускаешь ошибок. Потому что избавляешься от гордыни, к примеру. Вы же откликнулись на встречу со мной, хотя я человек с улицы. Значит у вас не густо от предложений по поводу актерской карьеры.

– А вам то что за дело? – резко оскорбилась Вера.

– Мне понравилась ваша игра, – тут же попытался сгладить хамский выпад Визант, сам не понимая, почему его так заносило. – У вас есть дар. Я не преувеличиваю. Если бы вы были просто красавицей, вы бы не отказывали тем, кто всё покупает. Но вы чувствуете одарённость, и хотите, чтобы оценивали её, а не красоту.

– Не думайте, что вы поразили меня своей пронизательностью, – со скупающим видом отвечала Вера.

И в жизни игра ей тоже удавалась, думал про себя Визант, подвергнув испытанию это невинное, талантливое существо, у которого и без него хватает трудностей в борьбе за место под солнцем.

– Вы всё равно не можете мне помочь. Вы не продюсер и не режиссёр, – резюмировала она.

– Зато у меня есть средства. Они ваши, я только их приказчик, и буду ссужать вас по мере необходимости.

– Вы шантажируете меня. Хотите, чтобы я спала с вами?

– Зачем же так грубо? У меня нет желания принуждать кого-либо к чему-либо. А договор с вашим отцом я могу и расторгнуть.

Теперь Визант ощутил, что его колкие высказывания поразили её, хотя он то всего лишь выполнял обязательства и не собирался переходить на личности, эта заносчивая девица сама вынуждала. Он вдруг готов был расстаться с ней, прямо сейчас.

– Я просто не люблю, когда кто-то вмешивается в мою жизнь, – пролепетала вдруг она уже смиренным голосом.

«Тебе уже двадцать три, – думал Александр, – ещё пяток другой лет на рывок в карьере, а там, навсегда застрянешь на второстепенных ролях, в случае неудачи». Ему известно было,

что она подрабатывала официантом, чтобы снимать квартиру. Не могло быть и речи, чтобы хотя бы отправиться на просмотр, к голливудским агентам, к примеру.

– Я заплачу за заказ, – холодно ответил он и оставил деньги на столе.

Такого оборота она не ожидала, даже потеряла дар речи, лишь отчаянно поглощая его взглядом.

– Не хватит денег, свяжитесь по этому номеру, – Александр протянул карточку с одним только номером, с видом того, что он только из жалости не разрывает с ней отношения, которые почти и не начинались.

Теперь она пригласила его на встречу. Слишком мало прошло времени, чтобы она умудрилась потратить довольно внушительную сумму. Наверное, Александр, сделал ошибку, выдав ей так много.

Она ожидала его в кафе, днём, за неизменной чашкой кофе и бутылкой воды. Выглядела Вера сегодня куда более нарядно и респектабельно: светлый костюм, ажурная белоснежная блузка, красно-жёлтый платок, прикрывавший шею, юбка до колен и сапоги на короткой шпильке, видимо для того, чтобы не терять грациозности своей походки. И ещё – бирюзовые сережки, вместо дешевой бижутерии как в прошлый раз. Явная боевая раскраска, на которую Визант ответил загадочно восторженной улыбкой.

– Все деньги я решила вложить в постановку нового спектакля и его рекламу, – сходу пролепетала она, будто долго готовилась к этой фразе.

– Ваше право, – после секундной паузы ответил Александр, несколько оторопев от такой резкости.

– Как-то мне даже неудобно, просить вас, – смутилась она, но взгляд блеснул лукавством. – На постановку спектакля той суммы не хватит.

– И сколько же потребуется ещё? – с отцовской снисходительностью поинтересовался Александр.

– Ещё не менее десяти тысяч. Американских.

– Не мало ли? Что за сделку вы совершили с режиссёром? – придиричливо спросил Визант, находясь в состоянии ложного равнодушия, понимая, что тебя пришли очаровывать из корысти.

– Обычную в таких случаях сделку, – невинно отвечала Вера. – Я буду занята в главной роли.

– Я ничего не смыслю в театральном бизнесе, – вставил сдержанно Александр. – Деньги ваши, и я не могу помешать вашим планам. Кстати, мы на некоторое время расстанемся. Мне предстоит поездка за границу.

– На долго? – досадливо спросила Вера, в чём не ощущалось игры, и что сладостью легло на сердце собеседника.

– Надеюсь, что нет. Я открою счёт на ваше имя. Но имейте в виду, у меня нет сокровищ графа Монтекристо.

Александр понятия не имел о размерах богатств её отца, просто не находил другого способа предостеречь её от крупных трат. Вряд ли разговор о деньгах был единственной темой, оба хотели ещё встреч, глаза Веры сверкали весело и побудительно, она как бы сообщала с молчаливым восторгом, – «Не пригласил бы ты меня куда-нибудь в мой ближайший выходной?».

Визант не мог остаться равнодушным к ней, как любой мужчина к красавице, но деньги снискали ему быструю победу, потому у него таилось предубеждение, что она кокетка, как и свойственно её кругу. Вдобавок она была ещё и легкомысленна, предложив сразу полученные деньги начальству, рискуя вызывать нездоровый интерес к их источнику. Вот бы за что её нужно отчитать, с горечью думал Александр. Впрочем, желания наставлять и опекать у него

так и не появилось, а в смысле мужского интереса, он предпочёл бы одноразовые связи с девицами лёгкого поведения.

Расставание было напряжённым, и Вера переиграла его в эмоциях, не выразив огорчения, как бы говоря: «вот я ещё буду переживать из-за твоего высокомерия, ещё пожалеешь, что упустил шанс».

На очередной встрече в гостинице, агент предписывал ему отправиться в Европу, доведя до него некоторые инструкции. Имя ему оставляли прежнее. По паспорту он являлся швейцарским подданным, поскольку почти безупречно владел французским, хотя и с акцентом. По легенде он несколько лет провёл в Восточной Европе, чем можно было объяснить его знание русского и английского. На своей родине он отныне числился погибшим, в паспортной базе данных имелась соответствующая запись. Теперь он был Александр Визант, но швейцарского гражданства. Труднее всего было сообщить отцу о своей несуществующей гибели, которому нужно было примерить эту несуществующую потерю, что всё равно висело зловещей тенью над судьбой сына. Надо отдать должное, – его отец, отставной офицер ФСБ, потомок пленённого наполеоновского гусара, пустившего корни в России, принял весть с пониманием, хотя бы внешне. Всё же, проживание за границей по чужому паспорту, в любом случае, лучше отсидки в лагере.

Его легенда, как его уверяли, занесена французской контрразведкой в свою базу данных, значит, обитать он будет в основном во Франции, на своей исторической родине, где он никогда до сих пор не был. Впрочем, его легенду могли стереть нажатием кнопки, и он тут же становился расходным материалом. Цель командировки, как ему объяснили, совместно с партнёрами искать тайные счета экстремистов и всех, кто их мог финансировать.

– У вас есть и личная заинтересованность в этой миссии, – вставил провокационно связанной напоследок. – Мы подозреваем, что те, из-за кого вас ложно обвинили, имеют к этому отношение.

– Чувство мести приятно, но мне не по душе, когда им манипулируют, – холодно заметил Александр.

– Ничего, свикнетесь. Человек не может быть машиной. Немного страсти делу не повредит.

Пётр Наумов терпеливо выслушал Александра и ссудил ему два золотых перстня с драгоценными камнями. Вырученные деньги в антикварном магазине он перевёл в кредитные карты и теперь мог путешествовать с ними по всему миру и открывать счета в европейских банках, рассчитывая на то, что служба закроет на это глаза.

Неожиданно ему позвонил отец по номеру, доступному только ему, и передал желание некой Риты Вагнер встретиться с ним. То, что она знала, что он жив, вопреки официальной версии, говорило о её связях, а точнее о помощи со стороны всезнающего Спирина.

«Не разведка, а сито», злился Визант.

Опасаясь покушения, он действовал конспиративно. Заметив её на остановке такси, позвонил и велел отправиться по кольцевой дороге. Сам следовал за машиной такси, и когда убедился, что нет хвоста, перехватил её, когда она рассчиталась с водителем. Сделав несколько петель через лабиринты дворов, снова выехал на кольцевую дорогу и привёз её в гостиницу. По ходу, он попросил самой же проверить себя сканером на наличие жучков, и осмотрел её телефон с той же целью. Выглядела она консервативно, – брючный костюм, укороченное пальто, сиреневый платок. Она сняла его, поправив причёску, когда они сели друг против друга, пальто только расстегнув.

– Пожалуйста, только не надо выражать сожаление по поводу того, что со мной произошло, – настойчиво и благосклонно произнёс Александр.

– Хорошо то, что хорошо заканчивается, – ответила она со сдержанным восторгом.

«Да, она неотразима, даже когда принимает сторону врага», подумал Александр.

– Эта твоя инициатива, или начальство тоже знает об этой встрече?

– У тебя превратное представление обо мне, раз ты думаешь, что я глаза и уши начальства. Я его почитаю не более чем остальные, и использую любой момент, чтобы ощутить себя независимой.

– Ну и что, ты пришла раскрыть тайну интриги против меня? – сухо спросил Александр.

– Я пришла с тем, чтобы развеять твои подозрения в отношении меня.

– Мы ведь с тобой всё равно не работаем вместе. Ты высоко поднялась и предпочитаешь связи с людьми другого ранга. Вряд ли ты во мне нуждаешься. А о прошлом, я вообще хочу забыть, – ещё более равнодушным тоном разъяснил Визант.

– Но ведь ты пришёл на встречу? – заискивающе заметила Рита. – Мне трудно носить в душе прошлое, и то, что ещё может произойти. Поэтому я искала встречи. На службе у меня нет друзей, – с сожалением признавалась она.

Следуя шпионскому кодексу, Визант не мог отвергнуть пришедшего недруга, или парламентаря, ему следовало бы поддаться на игру и выяснить её намерения, а точнее её кукловода. Он терпеливо молчал, борясь с внутренним противоречием – вернуть ли отношения с ней, или забыть о ней раз и навсегда. Она остановила на нём пытливый и красивый взгляд. О подобном внимании к нему, он мог, когда-то только мечтать.

– Я думаю, что ты на своём месте, – нарушил он затянувшуюся паузу. – Тебя перевели в аппарат пресс службы. Быть общественной личностью тебе идёт.

– А куда мне было податься? В секретари? Канцелярской крысой я уже была, – возмущённо проговорила она.

– Если ты хочешь сообщить мне нечто важное, я весь во внимании. А если высказалась, то не лучше ли нам выпить немного вина, – Александр ощутил над ней власть, на время.

Чтобы избавиться от её чар, нужно было с ней разойтись.

– В любом случае, вино не помешает.

Пока он открывал бутылку и разливал вино в бокалы, Рита напряжённо молчала.

– Мне больше не подходит роль маркитантки у этого Спирина, – неожиданно и смело призналась она. – У него теперь меньше официальных рычагов подпортить мне жизнь, и я этим хочу воспользоваться. И, похоже, он уже не в чести у начальства.

– Ты донесёшь ему о нашей встрече? – растерянно спросил Александр, не зная, что ответить на такую откровенность, или провокационный выпад.

– Он сгорает от ревности и любопытства. Но не дождётся. Хотя, ему и не нужно ничего говорить. У него нюх как у зверя. По воздуху всё учует.

– Что за тип этот Спирин? Я о нём мало знаю, только со слухов?

– Его называют крысиным королём.

– А я считал его серым кардиналом.

– Нет... Серый кардинал, это человек из высшей власти. Спирин чиновник второго эшелона. Он питается отбросами человеческих страстей. Хорошо видит слабости, его многие недолюбливают, но в нём часто и нуждаются.

– У крысиного короля, насколько мне известно, много голов.

– И у него их много. Я одна из них, или была одной из них, а может, только становлюсь.

– Жаль будет терять такую голову.

Она как бы и не заметила его замечания.

– Это он поставлял мне информацию, которую я передавала тебе, и которая оказалась ложной, – с сожалением призналась Рита. – Но имей в виду, я тебе этого не говорила, – добавила она, будто восторженно от подавленности. – Ну и чем же ты занимаешься, или намерен заниматься?

– Частным сыском? – уверенно отрезал Визант.

Движение её ресниц выдало сомнение.

– Да нет, ты работаешь на контору. И для Спирина, ты, опасный свидетель. Впрочем, как и я, – легкомысленно заметила она.

– Разве тебе мой отец не сказал, что меня нет в живых? – спросил Визант, будто хотел вывести её на чистую воду.

Рита взглянула на него с упрёком, хотя и с готовностью ответить на столь болезненный вопрос.

– Сказал. Но я не поверила. Тон твоего отца совсем не говорил о том, что он убит горем. Тем более что он сперва хотел знать, кто звонит, а уж затем сообщил мне горькую новость. К тому же, в нашем учреждении это обычный приём. Агенты исчезают, потом вдруг где-то, когда-то воскрешают. И похорон твоих никто не видел.

– Были, в закрытом гробу, при родственниках и нескольких соседей. Есть и могила. И запись в ЗАГСе о смерти. Я утонул на зимней рыбалке.

Отступивший было восторг перед ней, вновь просиял на спокойном лице Византа.

– Притворство – не лучшее качество моего отца. Ну так, а чем собственно я не угодил Спирина, или, тем более – ты? – продолжил атаку Визант.

– А чем не угодил Сотник? Я не верю в несчастный случай, – уверенно парировала она.

– Я знаю лишь то, что его агент предоставил ложные сведения. К сожалению в нашей профессии такое случается. Предательство и шпионаж идут рука об руку, – выдержанно ответил Визант.

– Верно. Но частое предательство уже признак паралича системы. А вдруг начальство устроит чистку, хотя бы на среднем уровне. Сотник, конечно больше нас знал, потому что был мостиком между ФСБ и МВД в агентурной сети. Спирин же, между прочим, распорядился огромными ресурсами для нейтрализации терроризма. К тому же, на Кавказе, вечная борьба кланов, на чём можно зарабатывать. Может Спирина приплачивали за содействие, или бездействие, в чьих то клановых интересах. Кто знает? Вдруг у него есть тайные счета в оффшорных банках, а Сотник имел нити к ним, – высказавшись на одном дыхании, как будто пробежав галопирующим аллюром в своей сладкозвучной интонации, последней фразой она захлопывала тему.

Визант терялся в домыслах насчёт того, зачем всё же она вызвалась на тайную встречу с ним. Искала в нём союзника против своего навязчивого опекуна, или же шпионила на него? Тем временем, медленным движением Рита сняла пальто, призывая его соблазнительным взглядом.

– Как мне с тобой связаться? – тихо спросила она.

В истоме он уткнулся в её атласное плечо. Этот простой вопрос никак не мог его пробудить от приятного состояния.

– Через Интернет. Я дам тебе электронный адрес.

Рита вздохнула и стала торопливо собираться, будто возвратив некий долг, не желала продлевать минуты смущения.

Спирин знал о встрече Риты с Византом, поскольку его люди прослушивали телефон его отца. Ревность Спирина компенсировалась удовлетворённой страстью интригана.

Сейчас его заинтересовала другая тайна.

Накануне освобождения Визант имел разговор с настоятелем лагерного прихода, единственным и подозрительно длинным. Спирин стал наводить справки об этом отце Сергии, Феликсе Отисе, в миру. Вскоре он имел досье на это некогда громкое дело, настолько достоверное, насколько позволяли доступные источники.

Спирина приятно удивило то, что ниточка вела к самому заместителю министра внутренних дел, и его нынешнему сподвижнику, Юдину. Причудливым образом сюжетные линии реальности сходились. Ему ли, технологу тайных операций, не знать, какие метаморфозы могут происходить в этом неустанном конспирологическом покере. Явно запахло удачей.

Тогда, лет тридцать тому назад, относительно молодой, но уже опытный следователь МВД Юдин, входивший в следственную группу, отрабатывал заказ спустить одно громкое дело на тормозах, в пикку главному инициатору, КГБ, враждовавшему в тот момент с другими силовыми органами. Главная задача заключалась в том, чтобы вывести из-под удара чиновников, покрывавших подпольных производителей, собиравших немислимую жатву во времена всеобщего дефицита. И видимо, силам МВД и прокуратуры это удалось, в чьей команде, по счастью оказался и Юдин. Такие как он всегда нужны системе. Не будучи сам запятнан, умело отстаивая честь мундира, Юдин быстро продвинулся по карьерной лестнице.

А этот некто Феликс Отис, один из фигурантов дела, мог стать хранителем богатств, как один из немногих выживших, а масштаб финансовых махинаций говорил в пользу того, что вряд ли все спёртые у государства средства вернулись в казну.

Полгода спустя, прогремело ещё одно дело, названное «алмазным», в честь огромных утечек драгоценных камней с алмазодобывающих предприятий. Краденые бриллианты продавались на чёрном рынке и контрабандно вывозились за рубеж. Но кто мог их покупать внутри страны, с бедным населением? Не трудно было предположить. Конечно подпольные производители, у которых накопились несметные суммы денег, не имеющих настоящей стоимости, и им ничего не оставалось, как конвертировать наличность в драгоценности. По делу скоро осудили нескольких незначительных начальников, то есть, по сути, замяли и его, а в следственную группу также входил Юдин, но уже в повышенном звании.

Имел ли Юдин отношение к сокровищам, не известно, но эти два дела связывались воедино сами собой.

Очень может быть, что именно Визант становился неким графом Монтекросто, или уж во всяком случае, распорядителем части алмазов, тайна которых была доступна Отису. У Отиса же имелась дочь, через неё, и следовало бы, охотиться на Византа.

Нужно было свидеться с некто Ивлевым, директором охранной организации, бывшим оперативником, выполнявшим неофициальные поручения для Спирина. Именно с его помощью устранили Сотника в лагере, поскольку Ивлев имел связи в системе исполнения наказаний, равно как и в уголовном мире.

Сейчас Ивлев мог бы пролить дополнительный свет на открывшиеся обстоятельства, потому что, будучи некогда в подчинении у Юдина, он знал некоторые его тайны и поддерживал отношения за спиной Спирина. Значит, донесёт о его интересе к этому вопросу, Юдин забеспокоится и предпримет шаги, чем и выдаст свою причастность к делу.

Встреча происходила в кабинете ресторана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.